

Сергей ГАЛКИН

г. Петрозаводск

Мама

повесть

Глава первая

С некоторых пор мир для нас с Настей странно сместился. Реальность отошла в сторону, а на первый план вышли какие-то... ну, скажем, не совсем возможные вероятности. Вот, например, прямо сейчас нас забирают в полицейский участок, какой при обычных обстоятельствах на земле не может существовать. Это образцово-показательный участок из другой более благополучной вселенной.

Сержант полиции выдает фразу, которую я никогда от работников этой славной службы не слышал, — фразу, уместную разве что в отеле «пять звезд»:

— Вам в одну камеру или в разные?

Разумеется, мы пожелали в одну. Настя, у которой еще осталась толика алкогольной бравады, бросила ему прямо в лицо:

— А можно мы займемся любовью? В камере. Здесь все условия.

— Ну нет. Только не это, — на полном серьезе ответил сержант, и в его голосе послышались, пожалуй, даже умоляющие нотки.

Да, мы точно угодили на планету, где менты наивны и безгрешны. Посмотрите хотя бы на нашего сержанта. Просто образец — чистенький и подтянутый. Лицо деревенского парня в веснушках и при этом самое светлое. Такой мог произрасти только в деревне Простоквашино — и нигде больше.

И камера у них действительно достойна отеля, пусть не пяти звезд, но одной-двух точно. Единственный ее недостаток — скромные размеры. Узкий пенал, в котором едва помещается лежак. Но зато удивительная чистота и отсутствие характерного запаха мочи. Должно быть, у железнодорожной полиции, в отличие от полиции городской, клиенты случаются далеко не каждый день и мы здесь в самом деле дорогие гости.

Как я уже упоминал, мы с Настей попали сюда по причине сдвинувшегося вдруг мира. Нас сняли с поезда за пьяное дебо-

ширство, но мы имели на это причину — еще какую. Поделом снятые, но вообще-то приличные люди. Менты это понимают. Нет, мы все-таки в нашей реальности. Просто иногда она бывает на удивление терпимой к людям, которые не совсем в себе.

Для меня все на свете сместилось и поплыло куда-то в сторону, когда пришло известие, что на далекой Западной Украине умерла моя мать. Настя принимает мои беды как свои, поэтому для нее тоже все пошло вразнос.

Как будто этого мало!.. Уже в поезде возникла другая причина для того, чтобы мы повели себя не так, как обычно. Там, в поезде, то ли нам привиделись черти, то ли действительно нам, ко всему прочему, посчастливилось нарваться на группу мошенников...

Глушить себя водкой мы начали за два дня до отъезда. Да и в поезд прихватили с собой две бутылки пива и продолжили «фестиваль». Почти сразу мы попали в орбиту сначала одного, потом другого странного джентльмена. Первый из них, лет около сорока, белобрысый, жилистый, с виду — настоящий полковник, стал усиленно обхаживать Настю. Он предлагал ей отведать какого-то невероятного копченого леща и отказы игнорировал. Вскоре откуда ни возьмись нарисовался его приятель, ехавший за несколько купе от нашего. Этот второй вцепился в меня. Сидел рядом, развлекал разговорами, из которых я ровным счетом ничего не помню, неизменно таскался за мной в тамбур покурить.

Второй больше походил на ээка. Нет, ничем особенным он не бросался в глаза, но что-то неуловимое в повадках, в манере осторожно выглядывать на собеседника под острым углом...

Вдруг я вспомнил, что в правом кармане штанов у меня должны лежать две чудесные бумажки, по пять тысяч рублей каждая. Сунул руку, и, разумеется, — а чего еще следовало ожидать? — их на месте не оказалось. Надо же!.. Штаны на мне облегающие, и я должен был почувствовать чужую ручонку. Но есть такие виртуозы, которые и самого черта обнесут. Случилось это где-нибудь в тамбуре, где мы так сладко курили... Я сообщил «радостную весть» Настене. Она незамедлительно подняла скандал. Второй джентльмен тут же куда-то исчез. Всю свою артиллерию она сосредоточила на первом.

Вообще-то, Настя у меня чрезвычайно застенчивое существо. Боится лишнее слово сказать, не то что дурное. В ЖЭУ приходится звонить мне, поскольку она просто не может обращаться туда, где высока вероятность скандала. Да и в пьяном виде она редко отыгрывается за свою же трезвую застенчивость. Но тут её пробило, должно быть, потому, что мы и так несчастны — куда уж больше. И едем не на курорт — куда уж дальше, и, в конце концов, если для мужиков есть что-то на земле святое, то это мама, — а тут нас взяли и обнесли.

— Я прокляну твой род до третьего колена! Не только ты, но и твои дети, и твои внуки будете корчиться в муках. Не думай, что я просто так, — заговорила она взвинченным тоном, о наличии которого я у своей подружки даже не подозревал. — Я потомственная ведьма. Мать у меня ведьма. В детстве в деревне бабки собрались и сказали: способности у меня есть! А вот учить не будем, потому что у меня не хватает характера. Нужен другой характер, чтобы быть ведьмой. Но сейчас у меня характер есть! Прокляну — или верни деньги!

Настя не раз рассказывала мне про сходку ведьм в ее детстве. Происходило это, между прочим, в деревне с умопомрачительным названием Свиново на границе с Латвией. Рассказывала она и о том, как бабки вынесли вердикт по поводу нехватки у нее характера. Я видел ее маму — мудрая усталая женщина. Но в ней что-то такое таилось... Словно бы она знала некие тайные связи, которые лежат в основе нашего мира. Конечно, она не смогла бы выразить их в словах, а теперь даже и не стала бы пытаться. Настена говорила, что мать давно отошла от занятий практической магией.

Сама же моя подруженька, несомненно, чем-то таким нездешним обладала. То и дело какие-то предметы (позарез необходимые на данный момент!) внезапно исчезали, а потом, спустя какое-то время, так же невероятно находились. Но сознательно вызвать эффект телепортации Настя не могла. Это происходило само собой и чаще всего во время наших с ней возлияний. Словом, ведьма-недоучка.

Как бы то ни было, Настя искренне верила, что обладает ведьминскими способностями, пусть и недоразвитыми. Вот и наш настоящий полков-

ник почувствовал что-то неладное, как-то засновал, засуетился. Единственное, что он смог выдать из себя, это довольно неубедительное:

— Успокойтесь, женщина. Не брал я ваших денег.

В этот момент в купе появился третий персонаж. Некая тетка, вся из себя добропорядочная, но с несомненной ноткой вульгарности. Такая, какая и должна появиться в тот момент, когда разводка уже завершилась и надо убедить окружающих в том, что ничего, собственно, не случилось. Просто девица напилась и буйнит, обвиняя честных людей почему зря.

— Дамочка, придержите язык! Нет, вы на нее посмотрите, люди! Разве можно напиваться до таких свиней?! — вещала тетка.

Но Настя продолжала сыпать проклятиями. Моя девочка видела много фильмов и прочитала кучу книг про мошенников. Это были ее любимые персонажи, но в жизни, оказывается, ничего более отвратительного она еще не встречала. Сейчас, с появлением тетки, ей стало окончательно ясно, что против нас работает целая группа.

До этого я находился в ступоре. Но теперь до меня начало доходить, что для нас, пожалуй, все это добром не кончится. Я стал успокаивать Настю, но было уже поздно. Вызвали проводницу — ту самую, что очень не хотела сажать нас в поезд (что-то мне такое припоминается), а также бригадира поезда. Они сказали, что за плохое поведение нас высадят на следующей станции, в Волховстрое. Всё оставшееся время мы сидели притихшие и обречённые.

А в Волховстрое пришли двое ментов. Мы не сопротивлялись, тихо собрали пожитки и пошли с ними. Вот так и оказались в полицейском «раю».

Тут надо признать, что с самого начала мы вызвали у здешних «святых» какой-то нездоровый интерес. Тот самый сержантик, который предложил нам камеры на выбор, долго вертел наши паспорта.

— Вы едете на похороны мамы. А мама чья?

— Моя, — ответил я, все еще не понимая, к чему он клонил.

Насте показалось, что она поняла, потому попыталась оправдаться:

— У вас есть мать?

— Есть, — теперь уже с недоумением протянул сержант.

— Пусть она живет долго. Но если она умрёт, вы разве не напьётесь? Вас не понесёт?

— Не знаю... Наверное, да, — честно ответил «святой».

— Тогда вы нас можете понять.

— Но вы замужем. А ваш спутник — женат.

Наконец-то до нас дошло, что же такое вызывает у сержанта живейшее недоумение. Действительно, в паспортах указано, что Настя замужем, а я женат. На разных людях, естественно. Естественно? Нам это кажется вполне естественным, а вот людям со стороны, пожалуй, может показаться иначе. Настя не разводится с мужем, хотя и не живет с ним уже много лет. Просто не видит в этом такой уж настоятельной необходимости. А я развелся, вполне официально, но мне взяли и по ошибке поставили штамп, когда я менял паспорт.

Мы с Настей прожили вместе около двух лет, но не спешили регистрироваться, для чего, конечно, пришлось бы устранять «разногласицу» в паспортах. Нам казалось, что людям теперь нет дела до того, кто с кем и как живет. Ну, если бы вы, предположим, решили вдруг взять в сожители нильского крокодила, да еще рискнули бы устраивать с ним оргии на крыше, — это бы заинтересовало народ, да и то ненадолго. А так...

Но не исключено, что такая терпимость к личной жизни характерна только для нашего северного города. Во всех же остальных городах люди так и продолжают жить под прицелом чужих глаз и языков. Волховстрой — маленький городок, почти деревня. Тут и в самом деле может показаться странным: чужая жена и чужой муж вместе едут... Ну, было бы понятно, если бы они ехали в Сочи... А то хоронить чью-то маму... Как могли, мы растолковали сержанту этот казус. И он, кажется, понял.

Но не все так чудесно было в раю. Встречались в нем и отблески ада. Был момент, когда нам показалось, что нас убьют, прямо сейчас и без всяких причин, просто потому, что у ментов скопилось злоба, способная толкнуть их на немотивированное преступление. Правда, это уже были другие менты — обычные, городские, которые каждый день имеют дело с коррозией человеческих душ, а не то что эти счастливые «отпускники» — железнодорожная полиция.

Злобные городские менты вытащили нас из «рая», чтобы отвезти на экспертизу. Нас посадили в «газик» и повезли какими-то нескончаемыми закоулками. Городишко крохотный, все здесь должно быть рукой подать, зачем же кружить по околицам, если вы не преследуете некую коварную цель? К тому же сидевшие с нами менты молчали как истуканы. Ни словом не перебросились даже между собой. Такая серьезность приличествует лишь тем, кто идет на дело — и дело, по-видимому, страшное. Не назовешь же делом простой отвоз клиентов на экспертизу по поводу содержания алкоголя в крови.

Я вдруг почувствовал, что на нас накатывается волна неотвратимости. Тем более, что за окнами замелькали леса, перелески — идеальное место, чтобы зарыть трупы. Некое седьмое чувство подсказало мне, что Настя чувствует то же самое. Я схватил ее за руку, намереваясь потянуть за собой, а правой рукой взял за ручку дверцы.

Да, я в самом деле намеревался выскочить вместе с Настей из машины на полном ходу. Пускай мы переломаем себе все кости, зато хотя бы попытаемся избежать дурной смерти. Никогда не понимал той предсмертной апатии, с которой приговоренные к казни подставляют шею палачу.

Но мент, сидевший рядом с Настей, придерживал ее за локоть и прошипел:

— А ну сидеть!

И мы остались сидеть, слегка обнадеженные, но не вполне свободные от мошек, копошившихся под кожей. В конце концов нас действительно привезли — в какое-то унылое здание, вроде сельской амбулатории. Нас принял лысый кругленький дяденька-врач.

Настя попыталась воззвать к корпоративной солидарности:

— Вы врач. И я врач. Плюньте на это исследование. Не пишите ничего в заключении. Если бы ко мне привезли вас, я бы не стала ничего делать. Просто отпустила бы с миром.

Но дяденька молча продолжал делать свою экспертизу.

— Успокойся. Это уже ничего не изменит. Нас же все равно сняли с поезда, — увещевал я Настю.

Обратно мы ехали уже без ожидания неминуемой смерти. Мы понимали, что в первую поездку нам привиделось много лишнего. Ну что по-

делаешь, если Волховстрой — городишко и в самом деле извилистый. Бывают такие крошки-города, в которых путь из точки «А» в точку «Б» подобен пути на Голгофу.

Когда нас привезли обратно, в полицейском отделении на вокзале было тесно. В наше отсутствие железнодорожные менты не сидели зря, а прихватили целую компанию то ли пьяниц, то ли наркош. Среди них выделялась девица, еще вполне привлекательная, которая ходила и всем рассказывала, что у нее гепатит «С». Настя тут же исполнилась к ней неподдельного сострадания. Она уговаривала ее лечиться и назвала «сестрёнкой».

Впрочем, девица так и не осознала, что у нее вдруг прямо здесь, ни с того ни с сего, появилась близкая родственница. Внезапно она исчезла вместе со всей компанией. Святые менты не стали задерживать неинтересный молодняк, лишь переписали его по головам. Очевидно, они жаждали вернуться к нам, несомненным звездам этой ночи.

Оказалось, что наш милый сержант из наших предыдущих разъяснений так ничего и не понял. Все с той же очаровательной наивностью он вернулся к прежней теме:

— И как вы живете? Замужем — и женат?

— Да живем как-то, — вяло ответил я.

Настя уже утратила всякую словоохотливость. «Фестиваль» явно подходит к концу. Еще немного — и она осознает, в какой переплет мы угодили.

Теперь со всей неизбежностью встает вопрос: как мы доберемся до Москвы, успеем ли сесть на львовский поезд, на который у нас куплены билеты? Об этом я и спросил сержанта. Выяснилось, что следующий московский поезд приходит только вечером. Нам лучше сдать билеты и в семь утра выехать электричкой до Питера. Там ведь тоже есть поезд на Львов.

— Я вижу, вы уже протрезвели. Можете выходить. Сейчас я отдам вам вещи, и идите на вокзал. Касса тоже рано открывается, — сказал сержант и забренчал ключами от камеры.

— Эй, вставай, хробастая кромопопа!

Детскими обзывками из бессмысленных, но на что-то гадко намекающих слов я имел обыкновение будить Настю по утрам. А надо сказать, пока я разговаривал с сержантом, моя

подруженька приснула и явно собиралась почитать и дальше.

— Что?

— Пора на выход!

— На выход, на выход, — подтвердил сержант. У него был такой сияющий вид, будто он вручал нам орден.

Только мы этой великой награде были не слишком рады. Надо же, первый случай, когда мне не хотелось выходить из камеры. Тут, по крайней мере, всё ясно. А там нас поджидала тоскливая неопределенность — вместо Москвы вдруг выскочил Питер, новые планы и другие поезда. А ведь мы, кроме всего прочего, в состоянии похмелья. Кто бы пошел и сделал всё за нас...

Сержант вернул нашу дорожную сумку, о содержимом которой он знал больше нас. Они ее здесь обшмонали, наверное, раза три — уж не знаю, что в ней можно было такого найти. А мы-то с Настей совершенно не помнили, как собирали сумку и что в нее положили. Наверняка в ней таится немало сюрпризов, но все это потом, потом. И не в Питере, и не в поезде, а скорее всего уже на месте прибытия — мы откроем их для себя.

Сержант выложил на стол мелочевку из наших карманов. Среди прочего — три бумажки по тысяче рублей. Это меня так потрясло, что две из них я тут же протянул сержанту. Обслуживание по гостиничному разряду и не того стоило. Но сержант стал отнекиваться — очередное чудо! Впрочем, я в него не слишком поверил и просто на всякий случай засунул купюры в книжку, лежавшую на столе. Кажется, это был Уголовный кодекс.

Сержант попросил какого-то опера, весьма угрюмого малого, проводить нас до вокзала, и тот согласился. На вокзале оказалось холодно и безлюдно. Такого холодного и безлюдного мая не припомню я на этой планете. Касса не открывалась, электричка не приходила. Время как субстанция пропало совсем. Нам всерьез стало казаться, что Волховстрой — это наша персональная «черная дыра», откуда нам никогда уже не выбраться. Между тем опер еще раза два заглядывал на вокзал — убедиться, что у нас все в порядке.

Глава вторая

Двор моего детства напоминает побитый ракетодром. Огромные голые тополя, похожие на космические корабли, стоят со срезанными верхушками. Там и сям удаленные части валяются прямо на улице — видимо, у городских служб не хватило сил их убрать.

Раньше, приезжая домой, я с нежностью смотрел на эти деревья — достигшие невероятной величины, какой никогда не достигают их сородичи на севере. К слову, в городе моей второй жизни, в Петрозаводске, многие тополя с годами тоже разрослись и стали представлять опасность, но там не такие великаны, нет. А ведь эти украинские «ракеты» в конце пятидесятых годов сажала моя бабушка — отсюда моя нежность и гордость при взгляде на них.

Мама с бабушкой приехали сюда, когда город еще только начинал строиться вокруг комбината по добыче серы. Странно, Западная Украина густо заселена, вокруг множество деревень, уходящих корнями в глубокую старину, а нам выпало жить в новеньком, возведенном с «нуля» городке типовой советской застройки.

Поднимать его приехали русские инженеры. Потом еще долго их семьи задавали тон в городе, так что это была не совсем Западная Украина — скорее, затерявшийся у польских границ форпост России. Но со временем, в результате усиливавшегося год от года притока местных уроженцев, городок становился все более украинским. Теперь о русских семьях в нем не напоминает почти ничего.

Но городок сохранил некий дух, что ли, отзвуки и тени былых жизней первопоселенцев, которые оставили по себе не самую плохую память. Во всяком случае, к русским, смею думать, здесь относятся более терпимо, чем, скажем, во Львове, столице «бандеровских» настроений — она всего лишь в шестидесяти километрах отсюда.

У самого моего дома когда-то рос каштан, тоже раздавшийся во славу божью, но и его теперь нет. Обзор, несомненно, стал лучше. Но зато более явственной стала нищета здешней жизни. Полуразрушенная детская площадка, остовы тополей, силуэты давно не отремонтированных домов.

Но сейчас это не так уж сильно режет глаза.

Все людские погрешности ретуширует волшебная украинская ночь. Вот только знаменитой ее томности нет. Здесь, в западных областях, роскошное дыхание природы немного размыто, не то что на южной Украине. Я не чувствую большой разницы между Петрозаводском и этими благословенными краями. Но, может, все это объясняется моим особым состоянием сдвинутого мира. Мне ли сейчас распознавать оттенки и нюансы?

Впрочем, ночь здесь несомненно темнее ночи северной, и от этого тебя покалывает неясная тревога. А вот золотистый свет фонарей совсем такой, как у нас, только в нем нет шоколадного оттенка, который почему-то обволакивает электричество на севере.

Двор, мой маленький двор!.. Если не считать моего недавнего приезда, я не был здесь пятнадцать лет, все не хватало денег, то да се. Вернулся, но слишком поздно. Годами отсутствия я предал свой двор, свою мать и вполне заслужил, чтобы события, которые должны были развиваться исподволь, — неожиданно стусилились и ударили, так что зашаталось все вокруг.

С прошлого моего приезда не прошло и двух недель. Тогда я сорвался один: Настю держала работа. И мама была еще жива — только поэтому мир еще стоял. Хотя смещение уже произошло, но в нем еще не было окончательности. Лишь слегка исказились перспективы, вещи перестали выглядеть, как всегда. В каждом предмете или явлении образовалась небольшая червоточина. Будто открылась некая дверь — и в мой обжитый, более-менее сносный мирок потянуло нездешними сквозняками.

Но была еще надежда, что дверь закроется, ледяное равнодушие Вселенной уберется туда, где ему и надлежит находиться, — наверх, в космос и к звездам, а земные вещи встанут на свои места. Сейчас никакой надежды больше нет. Дверь распахнута настезь, и оттуда несет вселенским холодом, слишком безграничным, чтобы с ним когда-либо мог примириться человек.

Как жить в этом новом мире? В том, который был еще полторы недели назад, еще можно было как-то существовать. Впрочем, это было существование, которого врагу не пожелаешь. Я ходил к маме в больницу, а вечером напивался. Не мог я видеть маму такой, какой она стала те-

перь. Мама всегда была лучше всех, образцом среди образцов, эталоном среди эталонов и помещалась так высоко, что я едва осмеливался смотреть на нее. Разумеется, а как же иначе?

С тех пор, как я уехал из нашего городка, мне случалось видеть ее с большими перерывами. Казалось бы, перемены в ней должны были бросаться в глаза, — но я их старался не замечать. А теперь... Нет, не хочу я это описывать. Пусть она всегда будет такой, какой смотрит сейчас с черно-белой фотографии шестидесятих годов.

Снимок сделан в профессиональной студии. Фотограф попытался придать моей маме сходство с популярной в те годы Грейс Келли, и ему это удалось. Мамино лицо на этой старой фотке излучает ту самую одухотворенность и утонченную прелесть, которую сначала обожествляло, а потом демонстративно, из чистой вредности, отвергло высокое искусство. Её, эту прелесть, все еще почитают простые люди и невеликие художники, вынужденные торговать картинами на улице.

Я ничего не знаю об обстоятельствах этой съемки. Мамина жизнь до моего появления на свет, да и во многом после этого, — полнейшая тайна. Все наши совместные годы она, как разведчик, молчала об отце, о перипетиях их отношений и причинах разрыва, о своем отношении к мужчинам вообще. О чем-то я мог догадываться, зная ее характер, но все равно это было только гадание.

Сейчас — только сейчас! — ко мне стали поступать скупые обрывки сведений — я даже могу сложить подобие мозаики. Но будет ли эта мозаика верна, вот в чем вопрос. Информация поступает ко мне от третьих лиц, сама же мама так и сохранила молчание до конца. Тем не менее я должен складывать эту мозаику, потому что больше некому. И еще потому, что мамина жизнь — хотя бы в самых узловых ее моментах — безусловно заслуживает реконструкции. Заслуживает, поскольку она невероятна — даже при том несомненном факте, что почти у всех жителей этой страны, и соседней с ней, непредставимые судьбы.

Но что я могу отметить не без тайного сыновнего восхищения? В эти последние дни жил ее великолепный ум, жили ее чудесные глаза. В них была мольба о помощи — как же ей не быть? — но

при этом в них часто появлялось смущение, почти девичья застенчивость — от того, что я вижу ее такой, какой сделала ее безжалостная болезнь.

И мамино невероятное мужество... Я иногда говорил — больше для того, чтобы шегольнуть парадоксом — что настоящие мужчины — это женщины. Ведь они могут всё так претерпевать. Но здесь, рядом с мамой, я понял, что это не просто красивая фигура речи, а истинная правда. Однажды я не выдержал, расплакался, сидя у её постели. Ко всему прочему, в тот момент я пребывал в состоянии сильного похмелья. И она мне сказала: «Ну хватит. Будь мужчиной!»

Это она, которая в те минуты терпела жутчайшие боли, о которых я тогда даже не догадывался. Настя потом объяснила, как это бывает в последней стадии рака. Но ведь никто об этом не проронил ни слова! Врачи сами уподобились штирлицам (воздух там, на Западной Украине, что ли, такой, что вынуждает всех к конспирации?) и вели со мной игру в умолчание.

Вероятно, лечение уже запоздало, но кое-какую работу все же можно было сделать. Просто там, в больнице маленького городка, никто не захотел сколько-нибудь подсутиться. Самое страшное, что врачи даже не попытались облегчить мамини последние минуты. Лекарства они выписывали, за которые платили сначала друзья мамы, а потом я. Но не сделали одну существенную и очень несложную вещь.

По моим описаниям Настя определила, что у мамы в брюшной полости скопилась жидкость, она-то и доставляла ей дополнительные муки. Удалить ее можно было путем простейшего хирургического вмешательства.

— У нас в республиканской больнице это обязательно делают. Даже в безнадежных случаях. Может, я что-то не понимаю? Это же долг врача — если нельзя помочь кардинально, то хотя бы облегчить последние минуты. Почему же они это не сделали? Поставили диагноз, который ни к чему не обязывает: «ишемическая болезнь». Да такой диагноз просто отмазка. Ох уж эта Украина...

— Может, не вся Украина. Просто наш маленький городок, — попытался возразить я.

— А деньги ты предлагал? — спросила Настя.

— Предлагал всерьез только заведующему отделением. Лечащему врачу и медсестре совал что-

то по мелочи. А заведующий не взял. В тот момент меня и пронзило первое нехорошее подозрение. «Но надежда есть?» — спросил я. «Надежда есть всегда», — ответил он. В общем, это были осторожные, уклончивые речи. Если бы он говорил более определенно, я бы заставил их сделать все, что возможно. Посулил бы такую гору денег, что они бы там забегали, как черти в раю.

— А ты в этом уверен?

— Ни в чем я не уверен. Возможно, ты права. Это Западная Украина. А я — русский оккупант. Какие претензии я бы им предъявил, гражданин другой страны? Они чувствовали свою полнейшую безнаказанность. Но я не хочу так думать... Здесь, в Карелии, в каком-нибудь отдаленном поселке было бы точно такое же... медобслуживание.

— Ну да, в самом поселке такое же, — согласилась Настя. — Но там врачи обратились бы к нам, в республиканскую больницу. Привезли бы маму сюда. Здесь бы провели обследование — настоящее, как положено, — и мы бы сделали все, что возможно. Нам и везут всегда из районов таких больных. Но что теперь говорить...

— Если бы врачи обозначили проблему четко: «Парень, счет идет даже не на недели, а на дни», ты бы, конечно, не сорвался бы и не приехал обратно в Карелию. А досидел бы до конца, сколько бы ни пришлось, — немного подумав, продолжила Настя.

— Вот это и есть самое скверное — что я не досидел, — вынужден был признать я.

В самом деле, так и случилось. Я уехал, пробыв у смертного одра мамы не более десяти дней. Большой нужды торопиться обратно не было. У меня оставалась еще неделя отпуска. Но, если честно, я больше не мог этого выдерживать — жить в одиночестве в квартире своего детства и маяться весь день в городке, где мне решительно нечего было делать. Ради того, чтобы один раз в день (а ведь это была такая малость!) сходить к маме в больницу.

Но самое главное — каждую минуту, каждую секунду меня тянуло к Насте. В обычной жизни мы с ней не разлучаемся ни на день. Только раз в год она уезжает куда-нибудь погреться у южного моря, ей это просто необходимо, ненавидит она север, у нее слабые легкие — постоянно болеет бронхитом и чахнет здесь, особенно в эти

растянувшиеся на полгода зимы. Мы бы и к морю уезжали вдвоем, но всегда не хватает денег. И каждый день ее отсутствия я переживаю, как человек, приговоренный к камере-одиночке.

В общем, нет мне оправдания за поспешный отъезд от умирающей матери. Вот теперь я понимаю, что означают все эти слова из старых романов. Как и их герои, я мог бы написать о себе: «Груз вины лег на его плечи, и он понимал, что предстоит нести его всю жизнь. И не выносить до конца, ибо эта вина безмерна, не искупаема ничем и никогда». Впрочем, если бы я хотел найти себе оправдания, то я бы, конечно, их нашел. И выглядели бы они вполне пристойно. Но сам-то я теперь вижу все в безжалостном свете.

После моего приезда, надо заметить, маме стало намного лучше. Отеки спали, она могла уже садиться с помощью меня или медсестры, хотя и ненадолго. Это улучшение замечали все медсестры и подруги матери — только об этом мне и говорили. Да и в наших с мамой разговорах тема смерти не прозвучала ни разу — ни словом, ни намеком. И уж вовсе не было ничего похожего на «последние распоряжения».

Если поначалу у мамы не хватало сил строить какие-то планы на будущее, то потом робкой рукой она начертала хотя бы какую-то перспективу: она пролежит сколько надо в больнице, а потом уйдет домой, но теперь никогда, ни за какие ценности мира, я не брошу ее на годы, приеду уже в августе. Дальше мы не загадывали, на это у нас наглости все же не хватало.

На ближайшие два месяца я обеспечил ее деньгами. Нашел сиделку — самый лучший вариант: она была санитаркой в той же больнице. На оплату её трудов за первый месяц дал гривен маме, а за второй — соседке, потому что предполагалось, что тогда мама уже будет дома. Предусмотрены были деньги и на лекарства.

И все же, все же... В последний день перед моим отъездом мама вдруг прошептала: «Как? Ты завтра не придешь?» Мне бы прислушаться к этим словам. Мой несгибаемый Штирлиц, возможно, этим своим вопросом выразил наконец нечто такое, что я должен был услышать. Но я лишь пробормотал в ответ: «Завтра, извини, не смогу. Нужно садиться на первый же автобус в шесть утра, потому что поезд из Львова выходит в несусветную рань — в восемь часов».

Все это так и было: и автобус в шесть, и поезд в восемь. Но что теперь значат все эти «нужно» и «потому что»? Что теперь значат все привязанности и необходимости?

Кстати, о привязанностях. Удалось ли Насте заснуть? Она в новом доме, на новом месте. Да и мудрено заснуть после того, что сегодня с нами случилось. Мне вот никак пока не удается даже почувствовать усталость. Так и сижу, глядя в окно на мой старый двор. И боюсь подойти к спальне, послушать. Вдруг Настя только-только скользнула в поверхностные воды сна, а я со скрипом старых половиц снова возвращу ее в этот бесконечный день. День, несмотря на то, что по всем внешним признакам уже ночь...

* * *

Наш московский поезд приходил утром, но мы же умудрились его упустить, а питерским прибыли во Львов только в третьем часу дня. Никого из соседей не оказалось. Ключи от маминой квартиры были у них, так что домой мы попасть не смогли. В растерянности застыли у подъезда как столбы. Вблизи не было видно никого, кто мог бы нам помочь. Вообще, весь двор странно опустел. Но вот какая-то женщина подошла к другому подъезду нашего дома, а потом, завидев нас, неприкаянных, направилась к нам.

— Вы? Но Риту только что похоронили. Остальные еще на кладбище, я вот только вернулась пораньше.

«Неприкаянные столбы» еще больше застыли. Был такой момент: я спросил Настю, когда мы сиделись в поезд в Питере, уже зная, что опоздаем:

— А вдруг не дождутся и похоронят маму без нас?

— Потерпят один день, — успокоила она. — Не бери в голову.

Словом, мы и в страшном сне не могли представить, что похороны пройдут в наше отсутствие. А тут невообразимое вдруг стало явью. Получается, что из-за своего залёта в Волховстрой мы пропустили все на свете.

Увидев, какое впечатление на нас произвели её слова, женщина сказала:

— Пойдемте на кладбище сейчас. Я вам покажу дорогу.

— А такси можно взять? — спросил я. Мне казалось, что если поторопиться, то можно еще к чему-то успеть.

Мы взяли такси на центральной площади. Женщина принялась рассказывать:

— Похороны были хорошие. Весь город пришел. Шли даже старые, немощные. Те, кто работал с твоей мамой на комбинате. Доходили до половины дороги, а потом уже без сил возвращались обратно. Ты же знаешь, твою маму в городе очень уважали.

— Да... Да.

— А ты меня не помнишь? — вдруг спросила женщина.

— Нет... Простите.

— Я сестра Мирона.

— А как Мирон?

— Да все хорошо. Женат, двое детей, только живет уже в другом районе.

Мирона-то я отлично помню. Товарищ моих детских игр, хотя особой дружбы у нас не было. Он держался отстраненно, иногда позволял себе ехидные реплики в мой адрес. Пожалуй, в те годы я его побаивался — как никого другого в нашем дворе.

У Мирона была причина очень сильно меня не любить. Его отец пострадал от сталинских репрессий. По слухам, он был сослан на север. Быть может, именно в те же края, где я живу сейчас, — в Карелию. Иногда я ловил на себе тяжелый ненавидящий взгляд Миронова отца. Но сам Мирон вряд ли ненавидел меня по-настоящему. Он понимал, что к прямым потомкам солдат, когда-то оккупировавших его родину, причислить меня и таких, как я, вряд ли возможно.

И тогда он знал, что никакой выгоды из своего «оккупантства» я не извлеку. Мы с мамой жили беднее, чем другие семьи в округе. У тех уже появились телевизоры, и ребята во дворе обсуждали просмотренное на голубом экране. А мы с мамой позволить себе телевизор не могли, но признать это мне не позволяла некая странная гордость.

Когда приятели спрашивали, что смотрел я вчера вечером, мне приходилось рассказывать о каких-то совершенно невероятных программах. Поначалу ребята даже верили — верили в то, что

я ухитрился поставить какую-то особую антенну. Потом, конечно, неминуемо наступило разоблачение, и мне было очень стыдно.

Да что там!.. Если бы мы встретились с Миронем сейчас, то обнялись бы как братья. Ведь, в конце концов, вместе прожитое детство священо, а все остальное в жизни не так уж и важно. Вот и сестра Мирона, — а между тем я начинаю смутно припоминать, что в детстве на нее заглядывался, она и сейчас красивая женщина, — не испытывает ко мне ничего, кроме сострадания.

На кладбище уже никого не было. Мы нашли могилу мамы в самом дальнем конце. Крест из разряда тех, что ставят временно, но вполне добротный. Какие-то горящие лампадки. И много венков. На табличке — фамилия моей мамы.

А я смотрю на эти буквы и не могу поверить. Мама, неужели ты там, под этим нелепым холмиком? Я не могу поверить, потому что мамы никогда не умирают, потому что они вечны. Но я еще и потому не могу поверить, что не видел саму процедуру похорон. Теперь, пожалуй, я благодарю судьбу за то, что мне была предоставлена возможность их пропустить.

Да, я виноват в опоздании, виноват на все сто. Но сознательно на задержку в Волховстрое я не напрашивался, так что я вправе испытывать то, что сейчас испытываю: небольшое, но все-таки облегчение. С полным на то основанием я могу не верить, что мама зарыта здесь, под этим холмиком. Это бутафорская могила, типичная обманка, а на самом деле мама куда-то ушла. Ушла надолго, на годы и годы, но все-таки ушла.

Но даже эту ненастоящую могилу следовало оплакать. Да только в этот день у меня не было слез. Мы с Настей решили, что приедем завтра, с самого утра, без всяких свидетелей, но с бутылкой водки, и оплачем этот холмик, этот крест, венки и лампадки, а также уход мамы в неизвестные края.

Когда вернулись в город, мы нашли соседей. Они сказали, что мы зря не позвонили из Питера и не сообщили, когда приедем. Но это все равно ничего бы не изменило, в местной больнице нет холодильника и похороны нельзя было отложить ни на день. Впрочем, особых претензий нам никто не предъявлял.

Я подошел к соседке — одной из двух, которые

жили с мамой в нашем доме с самого начала, одной из тех, кому она более всего доверяла. Той самой, которой я оставлял деньги на сиделку. Я спросил у нее: «Сколько мы должны за похороны?» Она сказала: «Потом. Не сегодня».

Ну что ж, после этого мы устроили поминки на скорую руку. Я сбегал в магазин, купил то, что попалося на глаза: мясную нарезку трёх сортов, филе селедки, сыр, колбасу, помидоры-огурцы. Ну и, конечно, несколько бутылок вина.

В какой-то момент на поминках ко мне подошла тетя Соня и спросила: «Наше соглашение в силе?» Но, увидев что-то не то в моих глазах, пробормотала: «Ладно, ладно. Поговорим завтра».

* * *

Дело в том, что еще во время моего предыдущего приезда, когда мама лежала в больнице, тетя Соня ненавязчиво взялась меня опекать. Работая там же старшей медсестрой, она оказывала мне кое-какие мелкие услуги. Как-то без очереди помогла купить в аптеке лекарства. Но помощь по медицинской части, кажется, одним этим благодеянием и ограничилась, а я-то думал, что она для мамы расстарается.

Тогда же тетя Соня не замедлила сообщить, что знает маму с шестидесятых годов. Мне и в голову не пришло расспросить о маминой жизни в те времена — самые закрытые для меня. Но тетя Соня сама завела об этом разговор и даже бросила приманку: мол, скоро раскроет самую страшную тайну в моей жизни — расскажет о том, кто мой отец и почему они с мамой разошлись. А еще пообещала узнать все, что можно, о его дальнейшей судьбе и разыскать старые фотографии. «Как ты похож на Костю, своего отца!» — в какой-то момент воскликнула тетя Соня, изумленно застыв и вперившись в меня глазами.

Между тем мама, словно почувствовав всю эту возню вокруг меня, без всякой связи с предыдущим нашим разговором вдруг проговорила: «Не доверяй Соне». На этом, впрочем, предостережения и закончились.

Надо признать, я прекрасно понимал, отчето это меня так усиленно обхаживают. В один из дней, когда я в очередной раз вышел от ма-

мы совершенно убитый, тетя Соня подстерегла меня в коридоре больницы.

— Я вот что хотела спросить. Если что-то случится, ты мамину квартиру будешь продавать?

— Не знаю. Возможно, — ответил я, представляя, сколько денег понадобится на еще одну поездку сюда и на похороны.

Да и как содержать квартиру, находясь за три тысячи километров отсюда. Но нет, не мог я еще об этом думать. О чем я, господи? Мама еще жива и еще долго будет жить.

Но Соня не отставала:

— Если будешь продавать, имей меня в виду, хорошо? Я всегда была другом твоей мамы и твоего отца. Мы жили когда-то в одной квартире, и моя дочка Оля играла с тобой в детстве. Квартира нужна не мне, а Оле. Она во Львове живет, но собирается переехать сюда. Хорошо? Ты обещаешь?

— Хорошо.

Это «соглашение» и имела в виду тетя Соня, отловив меня во время поминок. Они, впрочем, быстро завершились — это же Западная Украина, где люди ни за что не позволят себе разгуляться сверх меры, нарушить «приличия», по крайней мере, в те минуты, когда они у всех на виду. Вино оказалось недопитым, зато вся мясная нарезка и прочая закуска была сметена подчистую.

— Странно. Они ели так аккуратно, потихоньку. А как только мы намекнули, что пора бы и завершать, вдруг начали мести все подряд, — заметила Настя.

— Наверно, они не часто могут позволить себе мясную нарезку. А может, и могут, но жаба душит. На еде здесь всегда было принято экономить. Если хлебосольство где-то и существует, то только на Восточной Украине. А здесь скорее как в Финляндии — в гости зовут раз в год и дают такие маленькие бутерброды, чтобы только соблюсти видимость гостеприимства, — объяснил я.

Мы вдвоём допили вино, и, конечно, возник вопрос о том, не сходить ли еще. Но Настя сказала, что у нее нет сил, а одного меня она в ночь не отпустит. Впрочем, сошлись во мнении, что нагромождений абсурда для одного дня вполне достаточно.

Сейчас я все-таки рискнул подойти к спальне. Старые половицы, конечно, жутко закрипели, хотя я старался ступать как можно тише.

— Не бойся меня разбудить. Я не сплю. Этот день когда-нибудь кончится? — спросила Настя.

Глава третья

Утром началось то, что мы потом назовем «случаем с попугаем» — одна из самых невероятных историй, что приключились с нами в те дни.

Мы проснулись, удивляясь, что удалось хоть как-то заснуть. Не то чтобы мы сильно мучились похмельем, просто не представляли, как пережить и этот, следующий, день без спиртного. Я пошел искать, не осталось ли чего после вчерашнего, и нашел почти целую бутылку вина, кем-то задвинутую под самый стол. Мы сидели и тихо выпивали, когда с неуместной резкостью задребезжал вдруг дверной звонок.

Я открыл и увидел незнакомого дядечку. Весь какой-то блеклый и мятый, он держался с уничижительной робостью, как будто холоп пришел на аудиенцию к помещику. Но мы ведь не паны и ничего не могли ему дать такого, за что ему следовало унижаться.

Сам дядечка никак не мог сформулировать, чего ему от нас надо. Он сказал только:

— Я знал Риту. Работал с ней.

Знал — ну и что? Весь город ее знал, подумал я и пришел к единственно верной мысли, объясняющей, как мне показалось, этот странный визит.

— Пойдем ее помянем, — пригласил я.

Дядечка с готовностью присоединился к нам. Я налил ему в фужер вина, но — странное дело! — он к нему не притронулся. Вместо этого вскочил и принялся кружить по комнате, рассматривая все, что в ней находится.

— А это что? — вдруг спросил он, указывая на стоящего наверху серванта большого попугая, покрытого аляповатой глазурью.

— Это на самом деле светильник. Там внутри должна быть лампочка, — ответил я, вспоминая, как в детстве сам пытался понять, что это за птица, но, обнаружив внутри лампочку, быстро утратил к попугаю всякий интерес.

— Можно я возьму его на память о Рите?

— Да берите бога ради.

— Спасибо, спасибо. Я всю жизнь буду вам благодарен, — с этими словами дядечка схватил попугая под мышку, распрощался и ушел. Бокал вина так и остался нетронутым.

— Что это было, как думаешь? — спросил я Настю. — Сначала мне показалось, что он просто местный алкаш, который искал повод похмелиться в доме умершей. Но он же не выпил ни капли.

— А попугай представляет какую-то ценность? — начала поиск истины она.

— В том-то и дело, что нет. Просто безделушка. Образец позднего советского китча.

— Значит, это не жулик, — сделала вывод Настя.

— Тогда я не знаю, что и думать, — признался я.

— Постой, я поняла! Он любил твою мать. Тайно и безнадежно. Потому что добиться взаимности у него не было никаких шансов. Ты сам рассказывал, что Рита ненавидела мужчин после того, как с ней поступил твой отец. А еще я заметила у дядечки обручальное кольцо.

— И что? — все еще ничего не понимал я.

— Если он ее тайно любил, то ему важно было взять хоть что-нибудь на память о ней. Хоть попугая, — с оттенком раздражения, словно объясняя что-то малому дитяти, произнесла Настя.

— Интересная версия, — в раздумье проговорил я.

— У тебя есть лучше?

— Нет. Ты, пожалуй, права. Боже, как романтично! — восхитился я.

— Если я права, мы увидим дядечку еще не раз, — заметила Настя.

— Знаешь, украинцы — народ не менее причудливый, чем русские. А пожалуй, и более. Помнишь, я тебе рассказывал про дядьку с венниками?..

Это случилось, когда я выезжал к маме в первый раз, едва только к нам поступил телефонный звонок от соседки, что Рита серьезно заболела. Почему-то я сразу понял, что нужно бросать все и ехать. Но для меня это было не так-то легко. Кроме всего прочего, меня мучил страх перед поездами. Перед тем, какими окажутся мои попутчики. Я не ездил на поез-

дах года три, а если не считать единственной поездки в Питер, чтобы потом на самолете слетать в Калининград по случайной прихоти редактора моей газеты, то и все пятнадцать.

Но попутчики мои оказались чудеснее не бывает. Один, представьте, — перс, но всю дорогу он рассказывал мне о завоеваниях не персидской империи, а татаро-монгольской орды. В миру он, впрочем, был торговцем фруктами. Другой — украинец, но рассказывал мне про деяния русских царей, без всякой злобы, скорее с любованием. Вот этот-то второй и был торговцем вениками.

Благодаря им я понял: у нас что ни человек — то знаток истории самых разных эпох и народов. Никакой особой мудрости это нам, впрочем, не прибавляет. Как ходили по мукам во все прежние эпохи, так и продолжаем ходить по ним же в самой что ни есть современности. Но, получается, ездить в поездах весьма познавательно. Кстати, сам я в свое время тоже увлекался историей, только по большей части французской, времен мушкетеров...

Второму дяденьке было семьдесят лет, но планы он питал грандиозные. Чудак ездил в Карелию, чтобы узнать, есть ли здесь древесное сырье, пригодное для изготовления веников. И обнаружил, что этого сырья здесь столько, что его можно использовать, например, для изготовления гробов, чтобы потом наладить торговлю этим незаменимым предметом домашнего обихода по всей России, Украине и Евросоюзу. А к веникам и гробам можно еще прибавить и добычу рыбы — такой вот разносторонний холдинг. Хотел бы и я в семьдесят лет вынашивать столь же смелые планы...

Узнав, что я плохо ориентируюсь в Москве, дядечка вызвался проводить меня до Киевского вокзала. В свою очередь я вызвался понести за него мешок с образцами веников. В общем, так я и прибыл в столицу, в которой не был все тридцать лет, — с большим холщовым мешком в руках, из которого в разные стороны торчали веники разных пород и назначения. Менты в метро косились на меня, но не останавливали.

Уже на Киевском вокзале, на подходе к моему поезду, дядечка напрочь исчез, встретив на перроне какого-то знакомого. Но перед этим успел всучить мне 200 гривен. Как сказал он, деньги

понадобятся для оплаты автобуса во Львове. Чтобы сразу в него сесть, а не тратить время на поиски обменника валюты. Чудак как будто не знал, что деньги преспокойно меняют уже в самом поезде. Но свои гривны он вложил мне в руку так решительно, что я не посмел отказать. Вообще-то, не такая уж маленькая сумма для небогатых украинцев.

— ...Помню, про дядьку с вениками рассказывал. Но очень уж рано начались у нас чудеса. Еще нет семи утра, — заметила Настя. — Все-таки мы едем на кладбище или как?

Но нам и в этот раз не дали собраться. Снова прозвучал звонок. В дверях стояла еще одна моя соседка — тетя Оля, которую я знал с детства. Она была чем-то чрезвычайно удручена. Я подумал — тем, что мы пьем с самого утра. Хотя как бы она могла это заметить?.. Впрочем, еще в прошлый приезд я привык к тому, что здесь все видят сквозь стены. Но, оказывается, тетя Оля была удручена вовсе не этим.

— Сергию, а ты знаешь, что нельзя раздавать вещи покойного раньше, чем исполнится полгода?

— Какие вещи? — удивился я.

— Да тот попугай. Евгений Петрович ушел с ним, я видела. Этот хоть что попросит.

— А-а. Но он попросил какую-то вещь на память о маме. Я не мог отказать. Я не знал...

— Это плохо, очень плохо. Смотри. А то Бог накажет, — сурово заметила тетя Оля.

— Простите.

— Помни, что я тебе сказала, Сергию, помни.

С этими словами тетя Оля удалилась.

— Послушай, здесь все такие... театральные? — спросила изумленная Настя. — У нас-то театр начинается, только когда просят на бутылку.

— Наверное, театр здесь всегда. Я и забыл... Но ведь они действительно в это верят. Во все эти штуки с покойными, — проговорил я.

— Поехали поскорее на кладбище, а? — взмолилась Настя.

Мы вышли на центральную улицу и задумались — куда идти. Проблема в том, что мы решительно не запомнили дорогу к кладбищу, хотя вчера и возвращались пешком. В той стороне города, где оно находилось, я не бывал за все мое

детство и юность ни разу. Там к городу примыкала деревенька. Иными словами, чужая страна.

Мы, пацаны из центра, презирали «селохов», то бишь деревенских. Но, вообще-то говоря, мы их и побаивались, потому что они считались «дикими», то есть могли биться, не включая голову. С тех давних пор деревенька разрослась, тем более превратившись для меня в terra incognita. Но вообще-то следует вспомнить, что заблудиться в этих местах просто негде. Все расстояния здесь смешные, это не десятки километров угрюмых лесов и болот у нас, в Карелии, где от поселения к поселению нужно добираться часами.

Здесь, на Западной Украине, всё густо заселено. Чтобы считаться самостоятельными, поселения и даже города вынуждены быть очень компактными. Самые большие из них, включая и сам Львов, можно пройти пешком за несколько часов. Так что дорогу к кладбищу, которая пешим ходом занимает едва ли минут двадцать, мы могли бы запомнить уже вчера, если бы находились в своем уме.

Припомнив направление, мы отправились в путь. Все оказалось просто — нужно было идти по прямой, никуда не сворачивая. Короче говоря, мы все-таки сделали то, что обещали себе вчера, — купили бутылку водки и оплакали мамину могилу. Да так, что обратный путь пешком, по крайней мере мне, опять не запомнился.

Через некоторое время я обнаружил себя сидящим за кухонным столом. Зачем-то я разглядывал стоящую передо мной сахарницу — самую обычную сахарницу, совсем не работы Фаберже. Настя, неизвестно где находящаяся, спросила откуда-то издалека:

— А ты помнишь, что мы встретили твою первую учительницу?

И тут я припомнил: да, по пути с кладбища мы действительно повстречали Ирину Анатольевну Куценко. Интересно, что только этот эпизод всплыл сейчас из моего алкогольного беспомыслия, только один. Значит, он был по-настоящему важен. Еще бы, ведь Ирина Анатольевна когда-то совершила настоящий переворот в моих представлениях. Она помогла мне избавиться ни много ни мало от имперского шовинизма. Да нет, скорее, от толики юношеского максимализма.

Настя ошибается, Ирина Анатольевна не

первая моя учительница. Она была моим классным руководителем с восьмого по десятый класс. А еще преподавала у нас украинскую литературу. Я же в те годы имел глупость верить, что украинская литература по сравнению с русской — ничто.

— А ты вчитайся внимательнее, — советовала Ирина Анатольевна.

Сама она больше всего любила Лесю Украинку за чеканные стихи и невероятную силу духа этой женщины, всю жизнь прикованной к инвалидному креслу.

Я вчитался и... тоже полюбил Лесю Украинку, ну, во всяком случае, оценил по достоинству. Но так и не смог ни оценить, ни полюбить Тараса Шевченко, Ивана Франко и еще целый сонм писателей, особенно наших современников. Зато открыл для себя одного украинского писателя — увы, его имя вылетело из моей уже затронутой Альцгеймером головы! — который поразил меня настоящей роскошью языка. А еще он показал мне его утонченный мелодизм. Я и по сей день думаю, что украинский язык куда более мелодичный, чем русский.

Я вспомнил, что при встрече благодарил Ирину Анатольевну за Лесю Украинку и того волшебного писателя. А вот что мне говорила в ответ Ирина Анатольевна? Не помню ни слова, а Настя тем более не сможет взнудать мою память, поскольку разговор велся на украинском.

Ну что за бездарные мы пьяницы! На обратном пути даже не додумались зайти в лавку за добавкой, и теперь во всем доме решительно нечего выпить. Вообще-то, это не беда, винный магазинчик недалеко — в моем же доме, только с другой стороны, — там, где раньше был молочный. Сколько хожено туда в моем свехтрезвом детстве! И какой целомудренно-строгой была когда-то эта торговая точка, где водились исключительно молоко, творог и сыры — да, настоящие сыры, ведь Западная Украина всегда снабжалась лучше, чем российская глубинка. А теперь там торгуют всем необходимым для того, чтобы зашибенно бухнуть и на скорую руку закусить. Это о чем-то говорит? О характере новых времен?

Но так ли уж нам нужно продолжать — вот вопрос. Настя залегла и не выказывает никаких признаков гусарства. Я что-то тоже приуял и готов приложить голову к подушке. Но

вот в дверь звонят снова — нет, в покое нас сегодня не оставят.

Это оказался мой друг Коля. Я звонил ему еще вчера, сразу по приезде. Дозвониться до него сложно, вечно он от кого-то скрывается, и не потому, что задолжал большие деньги, а потому, что у него слишком много приятелей. Его часто куда-то зовут, но в каждый конкретный момент он предпочитает быть с тем, с кем пожелает его непредсказуемая душа. Вчера он откликнулся с первого же звонка и обещал тут же прийти, а вот появился только теперь. Но чему удивляться? Коля — тот, кто гуляет сам по себе, всегда таким был и таким остался. Если честно, эта его внутренняя хипповость всегда меня сильно притягивала к нему.

Я-то при моей строгой маме не смел быть хиппи. А Коля очень даже смел. При том, что у него тоже была мама-одиночка. Но — и в этом, наверное, все дело — она вовсе не вкладывала все силы в то, чтобы сын стал компенсацией за ее неудавшуюся жизнь. Да и не столь уж неудачливой была ее жизнь. У нее периодически появлялись какие-то мужчины, иногда она выходила замуж. В общем, жила своей жизнью, даже слишком женской. Вечно она где-то отсутствовала, за все свое детство я ее ни разу не видел, хотя почти каждый вечер бывал у друга.

Сам Коля тогда был счастлив, что ему позволяют расти, как кусту при дороге. Но сейчас, спустя годы, он склонен считать, что именно мать виновна в том, что он так и остался придорожным кустом. Впрочем, он прекрасно видел, что и я, при совсем другой маме, хотя и стал звездой школы, а потом с необычайной легкостью поступил в Ленинградский университет, тоже в жизни далеко не уехал. Тот же придорожный куст, те же дешевые китайские джинсы, разве что купленные далеко на севере.

В школьные годы Коля был для меня отдушиной. Другие одноклассники казались мне сложными, закрытыми, а он имел мужество быть простым. Он жил в соседнем доме, и я всегда мог к нему зайти и обсудить новости рока. Да ведь мы и впрямь жили тогда рок-музыкой, бесконечно что-то записывали и слушали на своих катушечных магнитофонах. Ему нравился тяжелый рок, мне — легкий, и спорить об их достоинствах и недостатках можно было бесконечно.

Восхитительное время, когда ты живешь только музыкой, только ею одной... Впрочем, это сейчас так кажется, а тогда мы, как и все подростки, мучились своей ущербностью, не зная, что эта мука когда-нибудь пройдет, а ущербность останется, заляжет в каком-то самом тонком слое души.

В прошлый мой приезд Коля здорово мне помог — главным образом тем, что был рядом. Конечно, мы много пили. Но при этом он — настоящий подвиг! — починил унитаз. Надо сказать, вся сантехника в маминной квартире пришла в негодность. Допотопный титан даже не заслуживал, чтобы его возрождали к жизни. А вот за унитаз Коля взялся. Мы обегали весь город в поисках поплавок, который подошел бы к этой средневековой — опять же! — модели. Теперь унитаз работает, хотя и весьма прихотливо, потому что с трудом найденный поплавок подошел не идеально, — но все-таки работает.

Исполнившись благодарности, я подарил Коле гитару, которую мы увидели в местном универмаге, когда вновь обегали весь город, теперь уже в поисках куколки для Насти. Она обожает маленьких куколок в национальных одеждах, привозит их отовсюду: из Египта, Туниса, Индии. Но в магазинах моего городка куколки в украинском наряде не нашлось, повсюду была одна лишь китайская дребедень. А вот гитару мы нашли, и в тот же вечер Коля пытался петь для меня песни в стиле «шансон». Увы, так и увядают старые гусары: начинают с зубодробительного рока, а заканчивают слезливым «полублатняком».

Словом, во все скорбные дни первого приезда мой друг не оставлял меня своими заботами. Я даже думал иногда, что этих забот могло быть поменьше. Что же, и теперь он начнет душить меня ими? Но теперь я не один, со мной — Настя. А это совсем другое дело. Нам бы лучше, чтобы в этом городке совсем не оказалось людей и мы бы прожили самые первые горькие дни после похорон в полной тишине. Но куда там, здесь на это надеяться нечего.

— Что-то вы грустные, хлопцы та дивчата, — заявил Коля, оглядев нас.

Он, проучившийся несколько лет в русской школе, стал говорить на своеобразной смеси русского и украинского языков. Не знаю, гово-

рит ли он так всегда или только в моем присутствии, полагая, что я основательно подзабыл «ридную мову». Так или иначе, но в одном из магазинов, когда мы искали куколку для Насти, за его говор моего друга обозвали «кацапом», то есть уроженцем Восточной Украины, и Коля сильно обиделся. В ответ он не постеснялся обозвать продавщицу «западенской мымрой».

В самом деле, хотя Коля и прожил большую часть жизни на Западной Украине, по натуре он был скорее космополитом и никаким националистским веяниям уступать не собирался. Впрочем, если бы местные патриоты действительно добрались до него и приперли к стенке, он бы выкрутился, заговорив на чистейшей мове, и убедил бы их в полной своей лояльности. Коля непотопляем — нигде и никогда.

— ...Да мы утром были на кладбище, — ответил я.

— Понятно, — протянул Коля.

— Как ты насчет вина? — предложил я.

— Ты же знаешь, не люблю.

— Ах да, ты преданный поклонник львовского бальзама. Так возьми хоть его. Будь добр, сгоняй в наш магазин. Гривны я дам.

— Я вообще-то не шестерка, но, як то кажуть, учитывая ваше положение, так и быть, — заметно повеселев, согласился Коля.

Он исчез, а я сделал серьезное лицо, одно из самых серьезных лиц в своей жизни, и обратился к Насте:

— Осторожно: новый мужчина. Настенька, прошу, держи себя под контролем. Давай сегодня обойдемся без б...ких замашек. У нас и так здесь слава алкоголиков. А если ты вытворишь что-нибудь... в этот город нам приехать больше будет нельзя. Такого этот город не прощает. Мамина могила останется без присмотра, ты понимаешь?

От этих слов Настя сразу протрезвела и посмотрела на меня серьезным взглядом медика.

— Я постараюсь. Да нет, ты можешь быть уверен...

Но уверенным я, конечно, не был.

Глава четвертая

Настины демоны зашевелились где-то спустя полгода после нашего знакомства. До этого мы жили в изоляции от всего мира. Никто к нам не приходил, да никто нам и не был нужен. Мы жили исключительно друг другом. Но вот волшебные краски подтаяли, и сквозь них стали проступать очертания обычного мира. Нам понадобились люди, которые стали бы свидетелями нашего столь трудно и столь поздно найденного счастья (обоим за сорок, по одному ребенку и целой горе ошибок). Но люди не всегда хотят быть свидетелями чужого счастья. Об этом нам следовало бы помнить, но мы, в ослеплении своем, забыли.

Гости у нас стали появляться более-менее случайные и все как один несчастные. То это был старый приятель Насти, давно и безнадежно в нее влюбленный, что не мешало ему так же давно быть женатым. По признанию самой Насти, он любил только ее тело, после того как отказался от попыток завоевать ее душу. Много раз он пытался направить ее в русло истинной культуры — заставлял полюбить великие английские рок-группы семидесятых. Девушка оставалась непоколебимо верна советской песне. Так что теперь приятелю оставалось только тело, вожделение к которому вспыхивало время от времени с периодичностью, которая не поддавалась никакому вычислению. Ничего добиться от Насти у него не получилось и на сей раз. И я здесь даже ни при чем. Как известно, женщины редко меняют алгоритм отношений, установленный однажды и навсегда. Если ты не завоевал женщину в юности, вряд ли ты покоришь ее годы спустя.

То это был племянник моей бывшей жены. Она вместе со своей сестрой и братом лишили беднягу квартиры. Путем долгой обработки они убедили парня выделить им по доле, а оставшуюся, будто бы его «исконную» долю, вложить в бизнес. Никакого бизнеса, конечно, не получилось, деньги сгорели, и племянник остался на улице. Но он был еще молод, не лишен разгильдяйского обаяния в стиле группы «Dereche Mode», которой и поклонялся. Ему нетрудно было находить девчонок с собственным углом. Но что-то у них долго не удержи-

вался. Скорее всего, объяснялось это тем, что бедняга был давно и безнадежно влюблен.

Похоже, это ужасное состояние сопровождает по жизни каждого из наших с Настей знакомых. И где мы таких находим?.. Или таковы все люди на этой земле, а нам только случайно повезло, надо думать, ненадолго? Так вот, бедняга был влюблен в свою соседку (теперь уже бывшую), рафинированную училку английского языка, такую недостижимую для него, простого автослесаря. Для Насти он, конечно, тоже был не опасен, слишком напоминал малое дите.

То это был мой старый друг — художник. Когда-то он был настоящим Фордом среди художников. Он завалил своими работами весь город. Не стеснялся проникать даже в родильные отделения больниц, чтобы всучивать всем подряд свои поставленные на поток «открытки». Таковую, вообще-то, не свойственную художникам способность к маркетингу он проявлял лишь до той поры, пока была необходимость растить детей. Но вот дочка стала взрослой и зажила отдельно, сын пошел в одиннадцатый класс, и наш художник перестал видеть смысл в рисовании денежных знаков, которым, по сути, занимался.

Мой друг стал профессиональным алкашом — тем, кто начинает утро с поиска бутылки, приставая к прохожим на улице. Но при таком образе жизни у него странным образом выиграли гормоны, хотя обычно бывает наоборот. Жена его выгнала, он стал жить у матери и, ощутив полную свободу, открыл странную охоту на женщин. Жертв он находил среди выпивающих, но все еще кое-как державшихся на плаву представительниц прекрасного пола.

Предметом его особой гордости было то, что он уже трех таких сбил с пути истинного. Три несчастные женщины потеряли работу, пустившись с ним в глубокий запой и, как он уверял, в такой же глубокий секс. При этом он искренне недоумевал, почему они стали от него шарахаться как от чумного, и держал их в состоянии ежедневной, если не сказать ежеминутной, осады. Выслеживал у подъезда, изводил телефонными звонками и неожиданными визитами на дом. Пожалуй, и этот персонаж не представлял серьезной опасности. Насте не хотелось оказаться очередным трофеем опустившегося живописца. Но ведь ког-

да вы открыли двери из своего счастья наружу, в любой момент стоит ожидать появления настоящих охотников за чужим.

С Настей меня многое роднит, в том числе и то, что оба мы если уж садимся пить, то двумя рюмками не ограничиваемся. Мы обязательно должны допить до состояния, когда из приличных в общем-то людей вдруг вылезают демоны, причем на редкость гнусные. А у приличных людей, по закону равномерного распределения добра и зла, других и не бывает.

У Насти это выражалось в том, что она начала провоцировать любого появившегося в доме мужчину. Она могла раздеться и танцевать голая, а поскольку она когда-то ходила на балльные танцы и под влиянием алкоголя в ней просыпался поистине латиноамериканский темперамент, там было на что посмотреть. Разумеется, несчастные и пьяные самцы не могли не отвечать на ее провокации. Мне приходилось следить, чтобы дело не зашло слишком далеко.

Потом мы с Настей не раз пытались понять, что же с ней такое происходит. Я склонялся к мысли, что это у нее «последняя гастроль артистки». Что она вступает в тот период, когда еще можно заставить город вздрогнуть, в последний раз, прежде чем смириться и вступить на дорогу к старости, окончательной и бесповоротной.

Меня-то она выбрала, как сама не раз признавала, «чтобы рука в руке идти до самой смерти». Причина такого выбора была проста: я напоминал ей ее приемного отца-журналиста. Получалось, что таким образом она возвращалась к своему детству, закольцевав свою жизнь. Неужели так оно и бывает со всеми: мы возвращаемся к тому, с чего начинали? Но перед тем как жизнь вступит в последнюю колею, надо устроить большой тарарам.

Между тем Настя не считала свои выходы сколько-нибудь серьезными. Она винила во всем демонов, которые выходят под влиянием алкоголя из меня самого. Да, из меня они тоже вылезали, а как же. На последней стадии опьянения я начинаю бормотать что-то невразумительное, изо рта длинными струями текут слюны, — идиот в чистейшем виде. А перед этим меня могут обуять приступы шпиономании — могу назначить себя генералом ФСБ и вещать о том, что только что вернулся на ро-

дину после многих лет нелегальной работы в далекой стране, скажем, в Аргентине.

А иногда — и это самое страшное — из меня начинает ломиться чудовище. Я пытаюсь бить Настю. Она утверждает, что один раз я даже ударил ее по голове (сам я этого не помню). Впрочем, она признает, что я больше пугаю, чем на самом деле распускаю кулаки. Но можно ли испытывать симпатию к такому типу, в которого я превращаюсь, во всех ипостасях — идиота, шпиона, а то и кого-то похуже? Вот Настя и вынуждена переключать свое внимание на других людей, которые находятся в доме.

Часто я просто засыпал, и это тоже был не лучший выход. Настя к этому моменту только-только раскручивалась, в ней все еще бурлила энергия — на что-то надо было ее направить. И однажды случилось так, что в нашем доме появился настоящий охотник, а я не уследил. Впрочем, на первый взгляд он выглядел не более опасным, чем все предыдущие. Просто очередной «несчастенький». Сын сильной и весьма успешной матери (она руководила СЭС в Московской области), он и в пятьдесят лет не смог вырваться из ее орбиты. В свое время он окончил или, скорее, за много лет взял измором Бауманский институт, но ни дня нигде не проработал. Брался за разные прожекты и сейчас пробавляется игрой на электронной бирже, сколько-то зарабатывает, но еще больше теряет.

Мне он, пожалуй, нравился именно своим категорическим нежеланием взрослеть, такой вот российский вариант Питера Пэна. Не могу забыть мешок денег (разумеется, заработанных мамой), который он однажды оставил у меня под кроватью и попросил ни в коем случае не выдавать ему же самому. Парню надоело поить безденежных приятелей или становиться объектом воровства. Конечно, мешок я ему все-таки выдал, когда он сразил меня неоспоримым аргументом: «Ну ладно, я сам запретил выдавать. Но деньги-то все-таки чьи?»

Да, во всех отношениях это был тот еще чудак. Он вызывал проститутку, а потом отправлялся на исповедь к знакомому батюшке и каялся. Время от времени он ездил в разные монастыри. Как-то на Валааме в свой день рождения он ходил и клеил на лоб всем встречным монахам пятитысячные, и не подумайте, что кто-то из этих

богоугодных людей хоть раз возразил против такого кощунства.

И вот этого персонажа я имел глупость пригласить в свой запретный рай. Разумеется, мы выпили, причем что-то крепкое — водку или коньяк. Какое-то время мы сидели и очень хорошо разговаривали, а потом я пошел в другую комнату и заснул. А когда проснулся, пошел посмотреть, чем заняты другие. Другие в это время занимались на диване в соседней комнате безудержным сексом.

В полнейшем ступоре я вернулся на кухню. Они прекратили свое занятие и пошли за мной. Мой падший друг заговорил о том, что немедленно женится и повезет мою подругу на Мальдивские острова. Настя радостно поддерживала его игру. Тут уж я не выдержал и врзал другу по морде. Он ушел, а вскоре к матери сбежала и Настя. В ее отсутствие я сокрушил мебельную стенку и музыкальный центр, которые мы недавно купили на с трудом сэкономленные деньги.

Настя вернулась уже трезвой, сгорбленной и постаревшей. Наконец-то она вынуждена была признать, что тут уж повеселились ее собственные демоны, а мои были почти ни при чем. Я оказался перед проблемой, с которой не сталкивался никогда в жизни: должен ли я не простить измену и уйти от Насти? При этом я понимал, что эти ее демоны далеко не равны ей самой. У меня не было ни малейших сомнений в том, что Настя меня по-настоящему любит. В трезвом виде ей ни разу не пришло в голову искать приключений, да и в пьяном тоже, пока в дом не попадал кто-нибудь из «несчастеньких».

Я все-таки выбрал Настю, а ее демонов решил ограничить. Провел работу среди убогих и сирых, и они перестали заходить в наш дом. Для пущей защиты от неприятностей в те дни, что мы собирались пить, я стал приглашать в гости Настину маму. Теперь, когда я по своей новоприобретенной привычке старого алкоголика примитивно засыпал, она брала на себя задачу служить благодарной аудиторией для всех Настиных фестивалей, терпела ее бесконечный, повторяющийся треп и голые танцы. И все заканчивалось самым мирным образом.

Приходится признать, что Настя — сложная девочка и самым милым образом сочетает в себе несколько разных личностей. А может, дело сов-

сем в другом? Может, это была месть, запоздавшая на годы и сосредоточившаяся не на том объекте? Глупая, несправедливая месть, но ведь подсознание не выбирает ни время, ни объекты.

Муж Насти однажды на вечеринке позволил, чтобы посторонняя девица на глазах у всех залезла ему в трусы. Из-за этого эпизода Настя от него ушла, и их горшок больше не склеился. С тех пор прошло лет пятнадцать, и я кто угодно, только не тот обидевший ее господин. Но какая разница, если месть все эти годы тлела в ней и, когда у нее снова появился муж, наконец-то нашла выход?

С тех пор прошло полгода. Приступы животной ярости, которые иногда накатывали на меня по какой-нибудь ассоциации, — схожая ситуация в телевизоре или вид того самого дивана, вдруг остановившего мой взгляд, — со временем прошли. Остались только сны, где мы с Настей бывали в гостях или в поездке. И там она встречала некоего мужчину, кстати сказать, необязательно похожего на того моего друга, и уходила с ним. Самой сцены совокупления я никогда во сне не видел, но этого было достаточно, чтобы я проснулся. С болью в сердце я шел курить, а потом уже не мог уснуть до утра.

До приезда в родной украинский городок я успешно оборонял нашу крепость — и Настя тоже. Но вот в эту крепость проник посторонний мужичок. Конечно, Коля мой друг, друг святейшего вида дружества, спянного общим детством. Но куда девается дружество, когда появляется доступная — в некоторых ситуациях — женщина? Тем более что Коля тоже принадлежит к разряду «несчастеньких». У него вариант супружеской жизни, который иначе как трансграничным не назовешь.

Его девушка постоянно работает в Чехии, сюда приезжает раз или два в год. Зовет Колю с собой, но он уже навек прирос к своему городку, а скорее — утратил силу для того, чтобы начинать жизнь на новом месте. Что ж, ему не двадцать лет и даже не тридцать, а сорок шесть — могу его понять. Я и сам утратил эту прекрасную силу мимикрии, которая людям молодым, просто в силу неведения, что им на самом деле предстоит, позволяет с относительной легкостью завоевывать иные города и страны.

Итак, он целых полгода — здесь, а она — там, далеко, за Карпатами. Разумеется, подруга осознает, что ему трудно прожить столько времени совсем без женщины. Ну, ладно, пусть они у него будут, решила она и сказала об этом Коле, но за пределами нашего исполненного шпиономании такого маленького городка. А может, выдвигая такое условие, она просто не хотела быть поставленной перед фактом явной измены. То, что происходит где-то там, далеко, как бы не существует. Страусиная политика, но, пожалуй, единственно верная при таких-то обстоятельствах.

Поначалу Коля свято исполнял это условие. Оно давалось ему без труда, когда он был более мобильным, мотался по другим городам и селам, продавая разную дребедень. К тому же к его услугам были туристки, часто заезжавшие в эти благословенные края. Но туристического сезона надо было дожидаться целый год, а к поездкам по городам и весям, даже в пределах одной области, Коля в последнее время начал утрачивать вкус.

В общем, оставался только самый опасный вариант — местные женщины. А тут является Настя — она здесь, в пределах доступности, но в то же время не отсюда. Через несколько дней уедет, и никто ничего не узнает. Идеальный вариант, грех им было бы не воспользоваться.

Воспользовался он им или нет? Я помнил только, что отправил его в магазин, а все дальнейшее тонет в неизвестности. Коля приходил вечером, а сейчас уже утро. Между тем что я слышу? Настя проснулась и затянула песню. Если женщина поет — значит, она счастлива. Надо сказать, голос у Насти глухой, надтреснутый, совсем как у старухи Шапокляк. Наделяет же Господь других женщин мелодичными, звонкими голосами, — специально для привлечения нас, самцов, и для общего украшения жизни, — а тут этой миловидной женщине взяли и всучили старушечью пелку-пыхтелку. Но почему она так счастлива с утра, в наших-то обстоятельствах?..

— Эй, что за голос из помойки? А ну-ка иди сюда, — позвал я.

Настя явилась, откровенно почесываясь и глядя на меня жалобными глазами. Я знал, что она хочет сказать: уже второй день подряд девушка вынуждена обходиться без утреннего, да и вечернего омовения, ведь горячей воды в квартире

нет и в помине. Два дня без ванны — для Насти это лишения невыносимые, равные Бухенвальду.

Итак, беглый анализ показывает: пятьдесят на пятьдесят. Вчера могло произойти нечто особенное, но в равной степени могло и не произойти.

— Ну, и что же было вчера?

— Ничего такого, — ответила Настя, мгновенно смекнув, о чем идет речь. — В самом деле ничего. Я не напивалась до беспамятства. И твой друг даже не думал ко мне приставать. Я его не интересовала как женщина, абсолютно. Хотя ты все время встревал со своими «грозными предупреждениями», чем Колю, кстати, сильно достал. В конце концов, он на тебя обиделся и ушел.

— А о чем вы говорили, когда мой самолет пошел на запасной аэродром?

— Я Колю не интересовала и ты тоже. И наша жизнь в России. Коля говорил исключительно о себе.

— И что говорил?

— О своей бывшей жене Вальке.

— А, ну да, — наконец-то начал понимать я. — Перед местными Коля постеснялся бы обнажать душу. Как бы чего не припомнили потом. А мы для него — дар небес. Заграничные уши. Я и сам играл эту роль в первый мой приезд. У меня умирала мать, но его драма, которой уже сто лет в обед, была куда важнее.

— Значит, у него до сих пор болит. А что, Валька действительно была такой стервой?

Я поверил, что вчера Настя и в самом деле не переступала черту, даже и не думала. Есть у нее одна маленькая слабость. Куда больше, чем секс, ее интересуют тайны человеческой психологии, странные изгибы людских судеб, неразрешимая загадка на тему «кто мы, откуда и куда идем». Об этом она способна говорить без конца, обсуждая любой подвернувшийся под руку материал — от героев только что просмотренного фильма до последних событий из жизни ее и моих знакомых.

Впрочем, надо заметить, что обсуждает она тайны людские без всякой злобы, без малейшей пристрастности, чистой науки ради, хотя тут и невозможна никакая наука. За это одно я должен был ее полюбить, ведь и сам всю жизнь питаю к людям безнадежный «клинический» инте-

рес. Оттого и выбрал эту пропашную профессию, журналистику.

— Стерва? Может быть. Но тут изначально была большая ошибка. А потом ошибки пошли уже нагромождаться одна на другую, — начал я печальный рассказ. — Мой друг Коля умудрился обрюхатить девчонку, когда ей не было еще шестнадцати. Неслыханное дело в этом месте в те времена. Здесь с этим было очень строго. Мы все только хвастались, что спали с девицами, а Коля на самом деле... Ему пришлось жениться, для чего добывали даже специальное разрешение в горсовете.

— Но уже очень скоро молодая, слишком молодая жена стала тусоваться с одноклассниками. Девочка просто не выгуляла свой срок, — продолжил я. — Потом Коля ушел в армию, а я поступил в Ленинградский университет. Как-то я приехал на каникулы и зашел к ним в гости. Валька представила дело так, что одинокая мама, — к тому времени на свет уже появилась дочка, — преданно ждет мужа из армии. Помнится, я даже позавидовал Коле.

А несколько лет спустя приехал в родной город, встретил Вальку на улице, и она завала меня к себе домой, а потом буквально затащила в постель. Коля в тот момент был на заработках где-то в России. В последний момент я вспомнил, что, вообще-то, у меня есть друг, и ушел... Дальнейшее я знаю только со слов Коли.

Разумеется, они развелись. И, как это часто бывает, она оттяпала Колину квартиру. По суду ему удалось вытребовать долю, невеликое число баксов, которые потом легко ушли, как не было. А еще Валька попыталась засадить Колю в тюрьму. Спровоцировала драку со своим новым мужем, а потом представила это как разбойное нападение. Коля еле отбилась, пройдя через множество судов.

— Эту последнюю часть их истории он мне и рассказывал, — призналась Настя. — Но правда ли, что там с самого начала была подстава? Обрюхатил Вальку ее одноклассник, а припилили все Коле?

— Это только подозрение, и то оно пришло задним числом. Со временем Коля стал сопоставлять факты, вспоминать детали, которым раньше не придавал значения. И картина сложилась. Но ведь даже при самом блестящем

анализе может сложиться картина совершенно неверная...

— Ну, я вышла замуж тоже рано — в девятнадцать, — попыталась возразить Настя.

— Но не в пятнадцать же! — сказал я. — Космическая разница, согласишься.

— Пожалуй. Недогуляла Валька, наверняка. Бедный Коля. Ты позвони ему. Он весь в обидах. Он ведь у нас единственный человек здесь. Без него нам с этой ордой не справиться. Да и друзья вы как-никак. Высшее испытание ты прошел — с этой Валькиной постелью... А что, кстати, значит слово «чуйка»? — спросила Настя. — Он все говорил — у меня «чуйка», у меня «чуйка».

— Это всего-навсего «чутье».

— А звучит красиво...

Я внял Настиным доводам и позвонил другу. Коля взял трубку и тут же перешел в наступление:

— Ну, ты и гад...

— А что такое?

— Вел себя как Отелло недоделанный. Та не нужна мне твоя Настя! Она вообще не в моем вкусе.

— Да ладно тебе.

— А что с тетей Соней? Затянул ей рот, лез обниматься, целоваться. Чистый идиот.

— Тетя Соня была?

— Была, была. Приходила насчет квартиры. Но я убедил ее отложить все разговоры до завтра.

— Это правильно. Кончай дуться. Ты же не барышня.

— Я-то кончу, а ты больше не веди себя как свинья. Не «свинья», а именно — «свинья».

— Не буду.

— Ну пока, Отелло!

— С Колей я все уладил, — обратился я к Насте. — Но, оказывается, вчера нас посещала тетя Соня.

Настя кивнула:

— Посещала. Я-то помню.

— Вот неймется ей.

— Кстати, Сереж, а может, мы не будем продавать эту квартиру?

— Не будем? — я был озадачен.

— Это же счастье для нас, северян. Иметь такой плацдарм на юге. Природа, как в Болгарии. Дети наши, внуки будут сюда приезжать. Представляешь, здесь будут звучать детские голоса.

Моря нет — единственный минус. Но озеро есть. Как ты говорил, оно называется? Еще одно красивое слово. Вспомнила — Барвинок!

— А расходы как? На эти поездки, на похороны, — все еще сомневался я. — Нам еще за них не предъявили счет, но я уже догадываюсь, что копейками мы не отделаемся.

— Справимся как-нибудь. Не такие уж мы нищие. Оба работаем. И здесь так легко дышится, в этой квартире. Чувствуется, что в этих стенах жил очень хороший человек.

— И я здесь жил. Мое «родовое гнездо», между прочим. Фамильный фольварк. Кто же его продает без крайней нужды? Слушай, а ведь ты права...

До сих пор мне казалось само собой разумеющимся, что мамину квартиру придется продать. В угаре последних дней у меня просто не было времени остановиться и подумать. Но вот сейчас Настя заставила меня это сделать. И я, вдруг остановившись на полувыходе, начинаю чувствовать, что здесь и в самом деле легко дышится — легче, чем в каких бы то ни было других домах и квартирах. И кажется мне, что здесь я защищен лучше, чем в замках иных, даже в самых высоких (между прочим, от «Высокого замка» во Львове остался один холм). И что эти мамины стены помнят меня и обнимают, как ни одни стены на этой земле. И все мое полупьяное существо начинает кричать: «Нельзя продавать! Ты сам себя перестанешь уважать, если продашь».

Решение принято, но я почему-то чувствую, что оно нам достанется великой кровью. Решение из тех, за которые приходится сражаться... При этом, чувствую я, это будет самый худший, самый невыносимый вид борьбы.

Глава пятая

Тетя Соня позвонила по городскому телефону и произнесла таинственным голосом:

— Зайди ко мне. У меня есть для тебя важные известия.

Я пошел, благо идти было недалеко. Она проживала в доме в моем же дворе. Соня с ходу усадила меня на диван и принесла какие-то маленькие старые снимки.

— Я пошукала по людям и нашла эти фотокарточки. Посмотри, вот бравый военный. Кто это, не догадываешься? Это твой папа. Костя. Константин...

Лицо на фотографии никаких чувств у меня не вызвало. Обычный вояка, обычное «деревянное» лицо, какое всегда бывает на такого рода снимках, — это совсем не то, что студийная карточка мамы, над которой фотограф действительно поработал. А на этой фотке не видно человека.

Словно для того, чтобы подчеркнуть эту пропасть незнания, немоту нашей с отцом невстречи, Соня вдруг принялась описывать Константина, каким его знала когда-то. Но и это ее описание, банальное, безликое, неспособно было пробудить во мне образ отца, хотя она и старалась изо всех сил, мучительно подбирая слова.

— Он такой был... Жвавый, веселый, як то кажут, душа компании. Жинки дуже любили его, и он — их...

В ее лице хорошо пожившей женщины вдруг промелькнуло что-то совершенно неуместное... Сожаление, что ли, какая-то странная тень, — возможно, и она в свое время поддавалась простецкому обаянию моего папани. Да наверняка поддавалась.

— В те годы он дружил с семьей Василенко. Посылал им такие фотокарточки из армии. Там надписи смотри на обороте.

Соня подала мне и другую армейскую фотку, такую же «деревянную». На обороте действительно были надписи. Одна из них гласила: «На память Василенкам от все еще холостяка». Вторая была в том же духе. Интересно, почему он все время подчеркивал свой холостяцкий статус? Что, его легко было утратить, находясь в армии? Или Василенки присмотрели для него невесту здесь, в нашем городке, и она преданно его ждала, располагая только заочными описаниями будущего жениха? Была ли это моя мама, которая тоже дружила с Василенками и даже сохранила эту дружбу, когда с отцом произошел разрыв? Вопросы, вопросы, на которые, боюсь, я уже никогда не найду ответов.

Я присматриваюсь к фотографиям отца — и вдруг вижу, что они не такие уж «деревянные». У него нежное тонкое лицо игрока и затаенный

лукавый взгляд. Вот натура, которая смогла пробиться даже сквозь творчество второразрядных фотографов. Тайный игрок? Застенчивый бабник? Артист, до поры не позволяющий вырваться наружу своей склонности к исполнению разных ролей?

Вот теперь отец как будто немного приблизился ко мне, хотя по-прежнему оставался бесконечно далек.

— Но плохо, что он много ходил по женщинам. Ты понимаешь, что я хочу сказать? — суровым голосом произнесла тетя Соня.

— Чего ж тут не понимать.

— Это его и сгубило. То ничего, что я так говорю о твоём тате? Отце, отце. Прости, что я так часто перехожу на украинский. Русский я совсем забыла.

— Я уже взрослый мальчик. Можете говорить все, — после некоторой заминки разрешил я.

— После армии он познакомился с твоей мамой. А потом... Як то кажут, у него случился роман. Там, в соседнем с вами доме, жили две гречанки-близняшки. И он с одной из них... Твоя мама не могла простить. Он на коленях приползал, умолял. Не простила... Потом он уехал с близняшками в Керчь, на свою родину. Он был из Керчи, ты не знала? Люди говорят, там он много пил и умер. Сумной рассказ, правда?

— Правда.

— Люди сказали, у тебя две сестры по отцу. — заметила тетя Соня. — Одна живет во Львове, другая — в Керчи. Могу узнать их адреса.

— Не надо. Что я могу им сказать — и они мне? Я должен исполнять, ну, как это ни выпендрено звучит, завет матери. Ничего никому не прощать, хотя девчонки ни в чем не виноваты.

— Я тебе розумию, — задумчиво произнесла моя собеседница.

— А они красивые были, эти гречанки?

— Та ни... Навить страшни, як не знаю що. Но сейчас бы сказали: зато очень сексуальны, — недобро усмехнувшись, процедила тетя Соня.

— Ясно. А кем он был по профессии?

Этот вопрос меня в самом деле интересовал, потому что за него мне в детстве сильно досталось от мамы, хотя тогда я и не думал его задавать. История была, в общем-то, из тех, что мы не любим вспоминать, да почти и не помним совсем, но которые, тем не менее, продолжают

свой странный рост в глубинах души и исподволь бросают на всю нашу жизнь некий темный отсвет. Хорошая пожива для психоаналитиков, но это там, на Западе, а мы, дикари, так до сих пор и не знаем, откуда на нас вдруг накатывают приступы необъяснимой тоски.

Однажды, давным-давно, я шел мимо своего дома уж не знаю зачем, по какой-то детской надобности, как вдруг меня окликнул истошный голос прямо с небес:

— Эй ты, байстрюк! Ты, ты. Не делай вид, что ты меня не слышишь.

Я все еще не понимал, что адресуются именно ко мне. Но мальчишеским чутьем уже угадывал, что сейчас произойдет что-то нехорошее, и не смел поднять голову. Наконец я ее все-таки поднял. На балконе третьего этажа стояла какая-то тетка с абсолютно белым лицом, — тогда, да и теперь, исходящая от людей откровенная злоба представляются мне в смертельном алебастровом цвете.

Эта злоба была нацелена на меня, больше вокруг никого просто не было.

— Ты почему со мной никогда не здороваешься? Ты думаешь, если твой отец был капитаном дальнего плавания, то можешь нос задирать? — вопрошала фурия на балконе. — Ну, так вот, скажу я тебе: ты — байстрюк, сраный байстрюк — и больше никто.

Вслушав эту тираду, я сжался до размеров букашки и припустил прочь. Со столь явным безумием человеческим мне до сих пор сталкиваться не приходилось. Но по книгам я знал, что оно существует, еще как существует. И чаще всего оно, безумие человеческое, трудно объяснимо. И все равно я никак не мог понять, чем заслужил гнев этой тетки, обрушившийся на меня как гром среди ясного неба. Между прочим, это даже не совсем метафора, небо было действительно ясное, и гром прогрохотал сверху.

Я эту тетку совсем не знал, хотя допускал, что мы встречались на улицах, в нашем городке просто нельзя не встречаться. Может быть, при встречах я действительно не здоровался, поскольку что-то не лежит у меня душа здороваться с незнакомыми. Между тем здесь принято раскланиваться с каждым встречным-поперечным —

показная фарисейская воспитанность. На Западе вообще много всякой показухи.

Против этого фарисейства я уже тогда втайне бунтовал, не доводя, впрочем, до открытых конфликтов. А вершиной моего бунта стало то, что однажды я просто отсюда уехал, как думал, навсегда. Уехал в те края, где показухи все-таки поменьше.

Потемкинские деревни — думаете, это российское изобретение? Да нет, скорее западно-украинское. Во времена моего детства по центру Львова среди бела дня в самую жару разгуливали местные дамы, затянутые в тяжелые вечерние платья, увешанные золотом с головы до ног. Принцип не изменился до сих пор, слегка изменились только наряды. И сегодня по центру Львова прогуливаются дамы, но теперь скорее в платьях от купюр. При этом вовсе не обязательно, что у них в кошельке найдется хотя бы сотня-другая гривен.

В городках поменьше люди тоже не столько живут, сколько себя демонстрируют, кто как может. И уж не откликнуться на эту демонстрацию, не поприветствовать знакомого, а то и незнакомого, — тягчайший грех. Не улицы заурядных городков, а лучшие королевские дворы Европы. И чем меньше поселок, тем строже соблюдение ритуалов. Вполне возможно, что белая фурия всерьез озлобилась всего лишь за пару моих неприветствий.

Впрочем, наверняка подлинные корни этой озлобленности следует искать в каких-то давних тёрках с моей матерью и с моим отцом. Я ощутил это своим детским сердцем безошибочно. Но впервые в жизни я узнал об отце что-то конкретное. Капитан дальнего плавания? Что ж, неплохо. Этим можно гордиться. Не у каждого пацана такой отец, пускай даже бывший. Хотя и на полусогнутых, я уходил от этой ведьмы совершенно счастливым.

А вечером мама устроила мне допрос с пристрастием. Конечно, она слышала эту сцену у балкона — здесь же все держат ухо востро, и мама моя, увы, тоже этому научилась. Допрашивала она меня с иезуитством сталинских следователей. Главное, что ее интересовало — насколько запали мне в душу слова этой тетки, насколько для меня они были важны. Насколько для меня вообще важен отец. Я, как

мог, старался убедить ее в том, что существование где-то в отдалении некоего гражданина, которого лишь номинально можно назвать моим отцом, для меня вовсе не важно.

Самое интересное, что на тот момент это была в общем-то правда. Никакой невнятной тоски по отцу, никакого зова крови я не испытывал ни тогда, ни теперь. Конечно, хотелось бы знать, кем он был по жизни, но мне это требовалось просто так, для сведения, и для того, чтобы сказать что-то пацанам, когда в очередной раз зайдет об этом речь, ведь все мои выдумки о засланных в Америку разведчиках и зимующих на Севере полярниках уже давно не прокатывали.

А мама вообразила, что я веду собственное исследование обстоятельств жизни отца, собираю сведения о нем где только можно и это для меня вопрос жизни и смерти. После изнурительного допроса, убедившись, что это далеко не так, она со странной ухмылкой произнесла: «Нет, не капитаном он был, а всего лишь помощником капитана. И то не первым, а вторым».

Ну что ж, второй помощник капитана тоже неплохо. С такой мыслью я прожил детство, юность, а потом рассказал об этом сыну, когда тот заболел морем, даже пошел учиться в морское училище. Так я и по сей день считаю отца вторым помощником капитана.

Но какие-то сомнения у меня остались. Не было ли это выдумкой той сумасшедшей, которую мама с готовностью подхватила, придав ей некий свой тайный смысл, а на самом деле мой отец был, скажем, спившимся дворником?

Не то чтобы это сейчас, после смерти главного хранителя наших семейных тайн, стало для меня вопросом номер один. Я никогда не понимал людей, которые носятся со своими «корнями», и не разделял идею, что наше будущее и настоящее определяет прошлое, даже не наше собственное, а прошлое наших отцов, дедов и прадедов, начиная от Адама и Евы. Мы — это мы, без всяких «хвостов» и «корней». Определяемся в основном обстоятельствами и немного — собственной волей. Или наоборот, кто как может. Родители задают нам лишь программу, некий абрис будущей жизни, в которой далеко не все предопределено. И все же я ловлю себя на том, что старая тайна меня интересует, особенно теперь, когда все

это уже не имеет никакого значения и все быльем поросло. Так кем же был мой отец?

— ...Он, как и твоя мама, был инженером-химиком, — ответствовала тетя Соня.

Инженером-химиком? Вот так раз. А как же мое продолжительное заболевание морем? Я бредил им в детстве, а потом и в юности, когда поступил на журфак Ленинградского университета. Правда, я мечтал не о карьере капитана дальнего плавания, а скорее — ученого-океанографа. О том, чтобы на исследовательском судне бороздить южные моря.

И надо заметить, что эта моя мечта почти что исполнилась. Подруга моей матери работала уборщицей в океанографическом институте, и на пару месяцев я пристроился ей помогать. И каково же было мое удивление, когда наконец я вступил в эту святая святых и увидел перед собой замшелую бюрократическую контору, которые так любили описывать старые классики.

Древние канцелярские столы, взятые, наверное, еще из присутствий царской России, создавали бесконечные лабиринты, а сами ученые напоминали крыс из подземелья, никогда не видевших солнца. От них я узнал, что попасть на исследовательский корабль можно только по очень большому благу. Большинство ученых ждут этого годами и так и не дожидаются до конца жизни. Вся их жизнь и работа проходит здесь, за этими столами, в крысином лабиринте.

И что это за работа? Увидев, что я парень не без ума, начальник отдела кадров попросил меня временно исполнить обязанности младшего научного сотрудника, ушедшего в отпуск. Мне дали карту какого-то участка моря, расчерченную на квадратики по широте и долготе. В каждый такой квадратик нужно было вписать стрелочку. Ее направление определялось набором цифр. В общем, колонки цифр надо было переводить в стрелочки, и таким образом создавалась карта морского течения в каком-то ограниченном районе.

С тем, на что у меня уходили целые дни, сегодня бы любой домашний компьютер справился бы за пару секунд. Это была работа скорее для машины, чем для человека, но ни одной ЭВМ, какими они были в те времена (ряды белых шкафов, занимавших целые залы) в институте не

имелось. Под конец, вычерчивая бесконечные стрелочки, я чуть не лишился своего ума, столь высоко оцененного учеными. Так умерла моя мечта о море.

А мой сын? Он поверил в семейную страсть настолько, что уже ходил на сухогрузе в шести морях. Он верил, что влечение к морю передалось от моего отца сначала ко мне, а затем от меня к нему. Очень важно уловить в этом мире хоть какое-то постоянство, невозможно жить в хаосе случайных величин. А здесь такая красивая, хорошо выкованная цепь, растянувшаяся более чем на столетия.

Мои рассказы о том, что его дед был помощником капитана, а я сам чуть не стал океанографом, сыграли не последнюю роль в выборе сыном профессии моряка. Ну, и деньги, конечно. Сын своими глазами видел, чего стоит журналистика, которую выбрал за неимением лучшего я. С морем она не идет ни в какое сравнение: геммороя много, а платят непристойно мало. Суша вообще оплачивается плохо, по крайней мере в нашей престранной стране.

Но теперь выходит, что эту красивую цепь мы выстроили по ошибке. Свой главный выбор сын совершил, исходя из ложной посылки? Никаким морем здесь и не пахло. Дед, простой инженер-механик, — любите и здравствуйте.

Но, с другой стороны, что тут такого? Если прекрасный результат получен благодаря ошибке, то будь благословенна эта ошибка! Мы заблуждались, но как красиво! Теперь ясно, что у безумной тетки что-то не так сложилось в голове. Возможно, когда-то давно отец и в самом деле разыгрывал роль капитана дальнего плавания, но скорее в шутку. Никого в нашем городке эта роль обмануть не могла, за исключением, возможно, той самой тетки. Но когда спустя годы мама услышала ее фантазию, она не стала ничего опровергать. Наоборот, поддержала эту выдумку, но при этом вложила в нее заряд иронии, который я в свое время не имел никаких шансов распознать. Ну что ж, и героями, случается, становятся по ошибке.

— Сергию, я должна тебе кое-что сказать, — проговорила вдруг тетя Соня голосом, трагическим и значительным, как в момент, когда некий спектакль достигает своей кульминации.

От этого голоса я внутренне сжался. Мне вдруг вспомнилось, что такой тон здесь, в моем городке, не предвещает ничего хорошего. Люди здесь начинают говорить голосом самого Бога, когда хотят произвести впечатление. Строят фразу, начиная с обращения по имени, затем отнюдь не переходят к сути дела, а выдают несколько вступительных слов, заставляющих вас замереть и с трепетом ожидать продолжения. Ох уж эта удушающая театральность маленьких западно-украинских городков!

Отголоски польского влияния? Века владычества шляхты с ее понятиями о чести, которые казались такими преувеличенными, что русские, да и сами украинцы, заимствовали для обозначения этого странного явления польское слово «гонор»? Впрочем, все давно ушло-проехало и кто теперь может добраться до истоков тех или иных явлений.

Итак, вот что было мне сказано тоном, подразумевающим истину в последней инстанции:

— Сергию... Я вижу сейчас в тебе Константина, твоего отца. Я тебя никогда не обману. Ты обещал мне квартиру, помнишь? Все документы на нее у меня. Я не хотела тебе отдавать, потому что вы пили, а сейчас я вижу, что вы опамятались.

И все же, пожалуй, тете Соне не достает актерской школы. Слишком быстро перешла она к квартире. Надо было еще с полчаса красиво повешать — про то, как дороги для нее мои родители, как бесценна их общая молодость, прошедшая в этом городке, и прочее в том же роде. Пустопорожних слов у тети Сони явно не хватало. Зато глаза ее расширились и усталились на меня так, как будто на меня смотрела сама судьба.

Все это было бы даже забавно, если бы не исходившая от тети Сони сила, настолько мощная, что она, казалось, искажала контуры самого пространства. В моем нынешнем состоянии я ничего не мог ей противопоставить. Я являл собой только оболочку человека, и точно устремленная в цель сила тети Сони легко смяла ее.

— Я отдам тебе документы, и завтра мы пойдем к нотариусу. Но сейчас я прошу, чтобы ты написал на меня доверенность. Вокруг так много хитроумных разных... ты понимаешь, что я хочу сказать. А ты живешь за три тысячи километров отсюда. Приедешь в следующий раз — а квартиры у тебя уже нет. Если ты напи-

шесть доверенность, будет гарантия, что никто ее не отнимет. А я заплачу тебе аванс, настоящую цену, ты же меня знаешь.

— Доверенность? Какая доверенность?

Смятая оболочка человека вдруг стала распиряться. Каким бы уничтоженным я ни был, слово «доверенность» царапнуло меня. Я стал понимать, что на меня оказывают давление, — непристойное давление на человека, который только что похоронил свою мать. И я вдруг вспомнил, что мы с Настей совсем недавно решили — ну, почти наверняка решили — мамину квартиру не продавать. Какая-то волна стала подниматься во мне... но нет, до гнева, до настоящего желания дать отпор она не доросла. Я все еще был беспомощен перед силой тети Сони. Что делать? Если ты слаб, надо выпутываться с помощью хитрости. Однако хитрец из меня всегда был никакой, а уж теперь и того менее.

— Нет-нет, никакой доверенности я подписывать не буду, — залепетал я. — А документы на квартиру, пожалуйста, отдайте. Завтра пойду к нотариусу. О какой продаже может идти речь, если даже наследство не оформлено?

— Сергию, а хочешь, я стану перед тобой на колени? Чтобы ты поверил, что я твой друг и тебя не обману...

В ее судьбоносных глазах я действительно увидел решимость — и встать на колени, и ноги целовать, и рабски ползти за мной, куда бы я ни пошел.

— Не надо, прошу вас. Я же не отказываюсь продать квартиру, но дайте мне время. Дайте хотя бы вступить в наследство.

— Хорошо. Вот документы, — наконец-то сдалась тетя Соня и протянула мне папку. — И фотографии отца возьми, у тебя ведь ни одной нет. А про твоих сестер я еще узнаю, ладно?

— Ладно. Спасибо вам огромное.

Я заторопился на выход, но тетя Соня не упустила случая послать мне залп вдогонку:

— Я вечером к вам зайду, хорошо?

— Хорошо.

Я вышел от нее с ощущением, что спасся в последний момент благодаря какому-то чуду. В первом раунде я ушел от борьбы, но я ощущал, что будет еще и второй, и третий. На самом деле никакого выбора у меня нет. Я обязан найти в себе силы, чтобы отстоять память о матери, для

чего ее квартира, безусловно, должна остаться в неприкосновенности, подальше от цепких ручонков спекулянтов на прошлом, игроков на тонких струнах души.

Я должен отстоять хоть это, если самое главное потерял.

Глава шестая

— Когда ты собираешься делать все честно, нет необходимости давить на человека. А тем более тогда, когда он еще не успел пережить смерть матери. Не нужно прибегать к театральным приемам, взывать к чести и совести, выдавливать скупую слезу и становиться на колени. Ну конечно, тетя Соня хочет тебя кинуть, — такой вывод сделала Настя, когда я описал свой визит к тете Соне.

— Но какую «замануху» она придумала! Раскрытие семейных тайн, поиск следов исчезнувших жизней. Ей бы чуть больше терпения, и она достигла бы статуса мошенницы высшего разряда. Ты же обожаешь смотреть фильмы о мошенниках, прощаешь им все отступления от закона и морали, были бы у них в избытке артистизм и виртуозность, — не то чтобы возразил, но посчитал нужным отметить я.

— Мошенники в жизни — как-то совсем не интересно. Но я больше думаю о твоей маме. Вот же трагедия. Скорее всего, твой отец закрыл шуры-муры с гречанкой, когда твоя мать была еще беременна тобой. Ты не представляешь, что в таком случае переживает женщина. Понятно, почему она так и не простила твоему отцу. Случись со мной такое, я бы тоже, наверное, не простила.

— Но это не значит, что нужно было перечеркнуть всех мужчин навсегда. Наверняка были еще претенденты, у такой красивой женщины их не могло не быть. Но она уже никому не могла поверить. Мама, ну зачем ты так? Не все же мужики — сво... Ты обрекла себя на такое страшное одиночество. Зачем, зачем?

— Чем еще страшно такое одиночество, — продолжила Настя. История, рассказанная тетей Соней, никак не выходила у нее из головы. — Ты обречен все время вспоминать первую, неудачную любовь. Крутить ее в голове без конца, пе-

реживать вновь и вновь. У тебя нет второй любви, чтобы она заслонила первую, пускай и вторая тоже не слишком удачная. У тебя все время одна и та же страшная любовь. Адовы муки! Не знаю, кто из женщин на такое способен.

— Вот именно: таких женщин больше не делают, — подумав, согласился я. — А жаль. Каждый мужчина мечтал бы о том, чтобы его полюбили раз — и на всю его засранную жизнь.

— Ой ли? — разумеется, не могла не вступить за свой пол Настя. — На самом деле такая большая любовь выносима только при условии, что и мужчина полюбит раз — и на всю жизнь. А подобные совпадения случаются раз в столетие. Ты сам не раз говорил, что нескладухи и нестыковки всего со всем — основной закон жизни.

Как заведенные, мы никак не могли остановиться от обсуждения трагичной — или нелепой? — маминой любви.

— Что бы ты ни говорила... Женщинам, которые любят раз и навсегда, хочется поклониться в ноженьки... пусть и с безопасного расстояния, — не унимался я. — Ведь мир выглядит совершенно иначе, когда ты знаешь, что такие женщины где-нибудь да есть.

— Но вот чего я не могу понять, — спустя некоторое время произнесла Настя. — Почему она не уехала из этого городка? Ведь твой городок — последнее место на земле, где стоило бы носить такую беду. Эти ваши католические нравы. Да и сталинская мораль еще была жива, несмотря на оттепель шестидесятых. Я представляю, как все здешние жители косились на твою мать.

До моего прихода Настя успела сварить простенький суп из курицы, которую вчера, вместе с двумя бутылками львовского бальзама, догадался притащить из магазина Коля. Но, несмотря на разлившиеся по всей кухне ароматы и подтачивавший нас голод, к поеданию супа мы так приступить и не могли. Все сидели за пустым столом и говорили, говорили как проклятые.

— Мать-одиночка, нет хуже греха в твоём маленьком городке! — продолжала кипеть Настя. — И предатель постоянно пребывает так близко, буквально в соседнем доме. Невыносимая, повседневная пытка. Почему бы ей было не уехать в тот же Архангельск, где жила ее сестра Нина? Город большой, люди гораздо терпимее. Там ее никто не знал, и можно было лег-

ко начать другую жизнь. У моей мамы была такая же история. Так она схватила меня под мышку и уехала из маленького латышского городка в Карелию, в Петрозаводск.

— Моя мама приговорила себя, — не знаю, что заставило меня произнести эти слова, но я их вдруг произнес. Было ли то озарение или просто предположение, появившееся от того, что надо было чем-то объяснить мамино бездействие перед лицом несправедливой судьбы, я не вполне осознавал. — Почему-то мне сейчас кажется, что она заставила себя всю жизнь платить за свою ошибку, оставаясь именно здесь, в этом городке. В таком случае она была больше католиком, чем все остальные местные жители.

Мне вдруг представилась картинка: вскоре после моего рождения мама идет по улицам городка. Накрапывает дождь, вечный львовский дождь, матовым блеском отливают все предметы — шербагый асфальт тротуара, стены домов, листва деревьев. Уже вечереет, света редких уличных фонарей недостаточно, и люди в своих остроумных болоньевых плащах, в которых тогда ходили решительно все, похожи на злых колдунов. На моей маме такой же, как и у всех, темно-синий плащ, но почему-то кажется, что сидит он на ней неловко, словно с чужого плеча. Как будто она приодетая нищенка и вышла на улицу попрошайничать. Вот с ней здороваются встречная женщина: «Добрыдень, Рита!» Она отвечает: «Добрый день, Роза». «Як там дытына?» — «Та ничего. Растет». Другая здороваются, мама отвечает: «Добрый день, Таня». — «Як сынок?» Все вроде бы по-хорошему, участливо. — «Ничего, здоров». Удар, еще удар, еще удар. И бесконечная осень, мелкий дождь, матовые отсветы, маленький городок...

— Но ведь твоя мать была не слишком религиозна? — спросила Настя.

— Не слишком. Вспоминаю, как она лукаво улыбнулась, когда я однажды спросил, поддерживает ли ее вера. Улыбнулась, но не сказала ничего. Вероятно, она ходила в церковь, но лишь по большим праздникам. И больше в угоду соседям, потому что с ними надо жить в мире и спокойствии. Нет, религия здесь вообще ни при чем. Такой безжалостной была ее собственная, личная мораль. И при этом она ведь не спилась,

не постаралась смягчить себе условия исполнения приговора.

Настя наконец попыталась разлить суп по тарелкам. При этом половник выскочил у нее из рук и упал на пол, едва не обрызгав нас горячей жидкостью. В другое время я не упустил бы случая попенять ей за эту неловкость, — ее руки, на работе в больнице творившие чудеса, дома, в быту, почему-то то и дело отказывали, — но в этот момент я не видел и не слышал ровным счетом ничего.

— И ведь она исполняла приговор до самой последней минуты, — продолжил я. — Не сказала мне, что у нее начались страшные боли, не сказала даже соседям. Какая там больница! Она оставила себя умирать дома, отключила телефон, не открывала никому дверь, — вспоминал я все новые и новые детали из тех, о которых на поминках мне рассказывали соседи. Почему-то сейчас мне казалось важным изо всех сил подтвердить появившуюся у меня теорию о жизни и смерти как искуплении одного-единственного греха.

— И только когда боли стали неконтролируемыми, соседи услышали сквозь стены, как она кричит. Дверь выломали и отвезли ее в больницу. И знаешь, как она ответила на вопрос соседей, почему спряталась ото всех? «Я никого не хотела беспокоить». Никого не хотела беспокоить? Мама, мама...

Суп мы все-таки съели. После этого, честно говоря, не знали, чем заняться. Настя полулежала на диване и без конца теребила прядку своих волос — безошибочный признак, что она усиленно размышляет над чем-то.

— Слушай, а у твоей мамы были какие-нибудь драгоценности? Кольца там, серьги? — спросила вдруг она.

— Да были, конечно. Помню золотое кольцо, необычно широкое и плоское. Перстенок с аметистом. Наверно, были цепочки и сережки, но я не присматривался.

— Может, я их поищу? Все равно делать пока нечего. Если мы уедем и оставим квартиру на год, их надо взять с собой. Я не меркантильна, ты знаешь.

— Поищи.

Она и в самом деле не меркантильна, моя девочка. Все мои поездки сюда, вся моя жизнь в Петрозаводске, когда я могу позволить себе

иногда купить готовое мясо «по-французски» или дорогую ручку «Паркер», — это все она, Настя. В моей газетенке мне платят воистину копейки, едва ли не треть от того, что зарабатывает в больнице она. Я знаю, что мамино золото для нее штука скорее ритуальная, чем ценность, выраженная в деньгах.

— В самом деле, надо же взять что-то на память о маме. Ну, не хрусталь же мы попрём в Петрозаводск. Здесь его полно, но его ценность ушла вместе с той эпохой. Представить только, люди собирали, собирали, а сейчас это бессмысленная груда стекла, — заметил я.

— Но ведь это не просто золото. Это знак рода, дар наследования, символ связи поколений, называй как хочешь. Ты подаришь мамино кольцо будущей жене сына, а она потом подарит его твоей внучке, — заметила Настя.

— Я об этом не подумал.

— А где она могла хранить кольца?

— Не знаю. Где-нибудь в тумбочке, в трюмо.

— Я пойду посмотрю. Ты правда не против, чтобы я порыскала в маминых вещах?

— Настя, я тебя умоляю. Лучше ты, чем чужие люди.

Настя ушла в спальню. Вскоре оттуда донеслись характерные стуки и шуршание. Мышь принялась за работу, а я тем временем сидел и, как это описывали в старых романах, «перед своим внутренним взором пытался воскресить прошлое». Наше с мамой прошлое.

Надо же, до наших дней в маминной квартире уцелел один старый венский стул. Когда-то их было больше, целый набор, а вот остался всего один. Странные воздушные сооружения, слишком изящные, чтобы служить стульями. Из прекрасной эпохи шестидесятых? Или из еще более прекрасной эпохи позапрошлого века, а то и века XVIII. Эпохи, о которой в самой Вене вспоминают с неизбывной ностальгией.

В семидесятые годы прошлого века в России их уже не делали более, стулья безнадежно превратились в стулья, с прямыми углами, тяжелым деревом и надежным сидалищем. Но зато теперь эти венские «капризы», если они уцелели, превратились в отзвуки других, лучших времен, даже если таковых, на самом деле, не существовало никогда.

И вот этот ковер, висящий на стене в гости-

ной... Было всего три варианта таких ковров, и висели они решительно во всех гостиных великой страны. Мишки в лесу, лоси и вот эти... итальянские, что ли, танцы. Бесконечно галантный кавалер (это уж точно век восемнадцатый!) самозабвенно танцует на лужайке, меж тем как собравшиеся в кружок изысканные дамы с ленивым интересом взирают на него. Так я и вырос вместе с этим кавалером.

Но картина оказалась не так проста, как задумывалась, наверное, ее создателями. В ней таилась некий неразличимый с первого взгляда ужас. Хотя вряд ли художник в самом деле закладывал его в свое благопристойное изображение. Скорее, во всем виновато мое собственное испорченное воображение. Не было здесь никакого «кода да Винчи», просто был один чересчур впечатлительный мальчик.

На протяжении многих лет у меня вызывал тайную дрожь один фрагмент на этой картине. Там, на заднем плане, казалось, притаилась обезглавленная и даже — совсем кошмар! — лишенная торса барышня. Нижняя часть тела, упакованная в вычурное платье, есть, а всего остального нет, хоть ты тресни. Я не решался спросить у мамы, почему это так нарисовано, что за скрытый садист создавал картину. И лишь в старших классах разобрал, что здесь на самом деле имелось в виду.

Это вовсе не была лишенная торса и головы дама. Это было далеко в сторону отставленное бедро сидящей рядом красавицы, вполне полноценной, при торсе и голове. В платье же было столько оборочек и всяких там пелерин, что часть тела представлялась самостоятельным существом. Оставался, впрочем, вопрос, зачем дама так широко расставила ноги, слишком вольная поза и для той эпохи, и для этой картины. А может, художник намекал, что эти изящные дамы относятся к другому сословию, совсем не к тому, к которому они должны принадлежать, судя по нарядам. Затаенное лукавство, скрытая насмешка — все это было присуще искусству галантного века, еще как присуще.

А сейчас этот ковер вызывает у меня только нежные чувства, без примеси всякого ужаса. Я помню солнечные пятна, пересекающие его по диагонали. И это подлинное воспоминание из моих самых первых лет на этой земле. Сейчас-то

ковер висит по-другому, солнце на него уже не попадает. Золотые, трепетные пятна, исполненные бесконечного добра. Наверное, это были моменты абсолютного счастья, а чего же еще...

Но в этом воспоминании нет мамы. Почему ее нет? Она, наверное, была где-то поблизости, иначе не было бы столь абсолютного счастья. Ребенку хватает и того, что мать рядом. И тогда запоминаются не глаза ее, не руки, а ее единственное и достаточное присутствие, выраженное в совершенно посторонних вещах, хотя бы в этих пятнах солнца.

Но, пожалуй, это и все, что помнится мне из времен раннего детства.

Нет, прошлого не воскресить. Оно уходит навсегда, почти не оставляя следов. Люди, которые описывают свое детство во всех подробностях, день за днем, всего лишь сочиняют очередной роман. Все наши воспоминания — это литература, где живая плоть времени превращается в знаки. Ретушь и подтасовки, избирательность и фантазии, толкования задним числом и ностальгия. Чего тут только нет, кроме самого прошлого!

Мама, ты ушла, и вместе с тобой навсегда ушли прекрасные шестидесятые, годы твоей юности и, как считают многие, лучшая эпоха на земле. Годы «Битлз», Кеннеди, Мэрилин Монро, годы, когда у нас в стране ехали «за запахом тайги», все поголовно были инженерами, а поэты единственный раз в мировой истории собирали тысячные стадионы. Гагарин, первый телевизор. Мое детство, наконец. И вот теперь, вместе с уходом мамы, эта эпоха закрылась для меня навсегда.

В гостиной появилась Настя.

— Я ничего не нашла. Есть дешевая бижутерия, а золота нет.

— Ну, не знаю.

— А мама могла продать кольца? Скажем, от великой нужды, — выдвинула неожиданную гипотезу Настя.

— Вряд ли. У нее была неплохая, по здешним меркам, пенсия.

— Тогда можно я еще поищу?

— Ради бога.

Мышь зашуршала снова, а я пошел приготовить чай. Но снова прозвучал звонок в дверь, и на пороге появился персонаж, пожалуй, са-

мый странный из всех встреченных нами в мире, который, как известно, давно потерял свою нормальность. Женщина была так истощена, будтохватила сильнейшую порцию голодомора. Это был вообще нонсенс. Вот уж где меньше всего ожидаешь встретить до полусмерти оголодавшую женщину, так это на Украине.

Не то чтобы здесь до сих пор царил культ «гарной дивчины», которой чем больше, тем она краше. Скорее это особенность генотипа и славной украинской еды. Молодежь, впрочем, уже стала отходить от критерия «гарности». Все больше появляется худеньких девочек неземной красоты, благо что и генотип теперь стал это позволять. За века оккупации — поляками, австрийцами, русскими — он оказался сильно размыт, а ведь давно известно: чем больше люди разных национальностей смешиваются, тем интереснее выглядят их потомки.

Но только что прибывшая дама в возрасте более чем среднем. И, следовательно, у нее не просто худоба, а именно истощенность. Что довело беднягу до этого? В свою очередь, прямо с порога она задает мне вопрос — тот самый вопрос, который я уже не раз слышал в этом городке:

— Не узнаешь меня?

Не дожидаясь ответа, странная женщина сама стала отвечать на этот и все последующие вопросы, которые, как ей казалось, я должен был задать:

— Я сестра твоей одноклассницы Светланы. Помнишь Светку? Мы, русские, должны держаться друг за друга, а то западенцы быстро нас сожрут. Они на вас уже наехали, да? Ничего, я их быстро раскидаю. Они меня боятся. Твоя мама по-настоящему дружила только с моей мамой, но Света перевезла ее в Питер. И твоей маме пришлось сделать вид, что она здесь с кем-то дружит. Да ведь эти западенцы тоже всегда только делают вид, что уважают тебя, что любят, что готовы помочь. А сами только ждут момента воткнуть тебе нож в спину. Никто не помог твоей маме. Никто и не собирался помогать. Она это знала и не стала просить о помощи. Одна я ходила к ней в больницу. Можно я посижу с вами, попью чайку?

— Только давай, пожалуйста, без шовинизма.

Никогда не стоит обобщать. Всякие люди есть везде, — попросил я.

— Ладно, не буду. Меня уже не исправить, а вы можете думать что хотите, — неожиданно легко согласилась гостя.

Настя захлопотала вокруг нее. Наверное, до сих пор моя девочка ощущала, что мы попали в некое непонятное, возможно враждебное, окружение и с каждой минутой кольцо вокруг нас сжимается все плотнее, — а тут вдруг появляется человечек, свой в доску, который готов разметать чудовищ легкими взмахами руки. Пускай при этом она сплошь и рядом машет руками зря. Чудовищ, на самом деле, не так много, как ей, бедноголовой, представляется. Как бы то ни было, Настя обрадовалась появлению возможной подруги. Она так давно ни с кем не отводила душу в чисто женской болтовне.

Впрочем, наша гостя, взяв разговор в свои руки, уже его не отпускала. Мы быстро узнали, что ей отрезали три четверти желудка, поэтому есть ей нужно чрезвычайно осторожно, всего помаленьку. И что живет она одна, взрослый сын на данный момент пребывает в России, а муж оставил ее еще в незапамятные времена. И что живет она в вопиющей бедности, чтобы не сказать нищете. Пенсия у нее всего 600 гривен, или, по-нашему, 2400 рублей. Поэтому даже картошка для нее — непозволительная роскошь, не говоря уже о мясе.

Услышав все это, Настя тут же предложила страдалице салат из помидоров, ветчину, куриную ножку. Гостя набросилась на еду, но при этом как-то ухитрялась по-прежнему заполнять собой весь эфир.

Конечно, я помню ее младшую сестру Светку. Именно благодаря ей снизошла на меня первая любовь. На уроках я писал ей записочки, а однажды нарисовал и послал ей голую женщину. Я неплохо рисовал, но женское тело мне никак не давалось, впрочем, так же, как и лошадиное. До сих пор я испытываю от этого воспоминания нечто вроде стыда. Светка, надо отдать ей должное, не пустила рисунок по классу.

Влюблена она была, увы, не в меня, а в Вовку Ивасюка, первого красавца класса. Вовка же был влюблен... Нет, ни в кого он тогда не был влюблен, но в то же время не хотел замечать и робкую, закрытую Светкину любовь.

Обычная нескладуха любви, вот такая, блин, вечная молодость...

Сдается мне, Света до сих пор любит Володьку, она однолюбка по жизни, вроде моей матери, но мягче, много мягче. Она уехала в Питер, прошла через неудачный брак. Как-то я встретил ее в Питере совершенно случайно. Сейчас она живет одна, воспитывает приемного ребенка, а Володя, я слышал, так и остался в нашем городке, все еще пребывает в счастливом браке, но изрядно польсел.

А вот старшую сестру Светки — нашу нынешнюю чуму — за все свое детство и юность я видел раза два, да и то мельком. Теперь же она явилась перед нами изрядно потрепанная, но готовая сыграть самую значительную роль в здешних событиях. Так и есть, она рвется в главные действующие лица. Едва только Настя проговорила о том, что ищет золото, как Ирка, — а я вспомнил только то, что ее зовут Ирка, — тотчас вызвалась ей помочь. Теперь в доме зашуршали целых две мыши.

Ничего они, конечно, не нашли.

— А я что говорила? Эти западенцы не упустят что-нибудь слямить. Все такие верующие, что хоть икону пиши, а внутри гнилье.

Так прокомментировала ситуацию Ирка. А Настя осунулась лицом, движения у нее стали какие-то заторможенные. Девочка явно распеживалась. Только раз в жизни, в глупом детстве, она стащила у подруги колечко, но была поймана и запомнила урок на всю жизнь. А сейчас она просто не могла осмыслить, как это можно стибрить колечки у только что умершего человека — к тому же человека, чью смерть оплакивал весь город.

Чтобы хоть немного утешить Настю, я рассказал историю, которую, в свою очередь, поведал мне один мой приятель. Было это еще в советские времена. В Краснодарском крае умер его дед. Он жил один, вдали от родственников. И когда они приехали, не нашли в доме ни золота, ни денег, ни даже дедовых орденов. Крысятничество у смертного ложа не зависит ни от страны, ни от эпохи.

— Но как противно, — проговорила Настя.

— Противно. Но что теперь с этим делать?

Мы опять сели чаевничать и кормить Ирку. В поисках золота женщины обнаружили, что у ма-

мы сделаны большие запасы одежды и сахара. Весь сахар, а также кое-что из одежды мы с Настей тут же решили отдать нашей нищей гостье. В дополнение Ирка выпросила себе еще и ковровую дорожку, и пылесос.

Я ей трагически сочувствовал. В девяностые и у меня были периоды отчаянной нищеты. Всех друзей я распределил по дням и ходил к ним якобы в гости. Приходилось соблюдать приличия и участвовать в продолжительной беседе, прежде чем подадут чай с печеньем, а иногда — конечно, они обо всем догадывались! — и полный обед. Но все равно нельзя было навещать людей слишком часто, и выпадали дни, когда я вынужден был обходиться совсем без еды. Однажды от голода мне померещилось, что мимо меня по улице прошествовал большой и важный динозавр, — но вот сбившийся на пару секунд рассудок встал на место, и оказалось, что это был всего лишь троллейбус.

Впрочем, у Ирки, как бы она ни прибеднялась, до такой крайности еще не дошло. Все-таки пенсия у нее какая-никакая есть, да и огородик свой за городом имеется. Может, поэтому в ней не чувствовалось той особой угнетенности, которую налагает на человека бремя нищеты. Напротив, Ирка держалась так, будто она и есть истинная королева нашего городка.

Она пообещала нам назавтра беспрепятственный проход к нотариусу, единственному во всем городке. Ирка займет очередь с шести утра, и мы попадем к нему первыми. Одновременно она начнет поиски постояльца, который поселился бы в маминой квартире, когда мы уедем. Пусть он оплачивает хотя бы коммуналку, потому что цены за съем жилья здесь совсем смешные, половина города пребывает на заработках в Европе, и пустующих квартир тут хватает.

Мы наняли такси, чтобы отвезти домой нашу новоиспеченную подругу со всем подаренным ей барахлом.

Впрочем, на этом наши треволения не закончились. Опять у нас выдался бесконечный день, но главный ужас поджидал ночью. Мучаясь бессонницей, мы решили выпить по одной таблетке снотворного, обнаруженного в шкафчике на кухне.

Некоторое время спустя передо мной предстала темная фигура. Она застыла в дверном прое-

ме спальни и была такой реальной, что отделаться от ее присутствия я никак не мог. При этом я отчетливо осознавал, что это даже не сон, а так, некое полубытьё. Я видел, что лежу в кровати, а рядом — Настя, и это ночь, и наш маленький городок. И эта фигура без лица, без глаз и абсолютно немая... Почему-то я понимал, что она не может двинуться дальше, пройти в глубь спальни и обречена стоять в проеме, но при этом странная гостья смотрела — хотя ей было нечем смотреть — прямо мне в сердце.

— Мама, это ты? — вскричал я.

Настя проснулась и схватила меня за руку. Я повернулся к ней, а когда перевел взгляд на дверь, фигуры там уже не было.

— Мне такое привиделось...

— И мне. Никаких таблеток из маминых запасов пить нельзя. С ее болями ей выписывали такие лекарства, что нам лучше держаться от них подальше.

— Ты бы сообразила это раньше.

Мы пошли на кухню попить минералки и обменяться впечатлениями. Оказывается, Насте тоже снились кошмары, исключительные по своему отчаянному, тоскливому ужасу. Но это были какие-то углы и закоулки, в которых она бесконечно терялась. Никакой фигуры она не видела.

— А эта фигура... Она на тебя злилась? — спросила Настя.

— С чего ты это взяла?

— Ты знаешь, мы натворили много чего такого, что не понравилось бы твоей маме.

— Нет, слава богу, я не могу сказать, что она на меня злилась. Просто смотрела — и всё, — проговорил я.

— Ну хорошо хоть так, — с облегчением вздохнула Настя.

Остаток ночи мы провели без сна, читая книжки. Хорошо, что мы оба любим классические детективы. Ни малейшего намека на мистику в наших книжках не было. Это могло нам дотянуть до рассвета.

Глава седьмая

Я потерял Настю. Точнее, она потерялась сама. И это при том, что в нашем городке решительно негде заблудиться. Он предельно просто распланирован: три основные, параллельные друг другу улицы, под прямым углом их пересекают менее значимые улочки. Вот и все. Как тут потеряться? Однако Настя умудрилась это сделать.

Она не скрывала, что страдает топографическим кретинизмом. За много лет она худо-бедно изучила лишь свой родной Петрозаводск. Но это единственное место на земле, где она не нуждается в провожатых.

До сих пор я всюду сопровождал Настю, а сегодня пошел домой за каким-то очередным документом, который потребовался нотариусу. А она вышла от нотариуса чуть позже, отделалась от доставшей ее уже Ирки (та действительно пропихнула нас первыми в очереди, как и обещала) и решила пойти домой самостоятельно. Контора нотариуса находится здесь же, в центре города, и всего-то метрах в пятидесяти от нашего дома. Идти от нее к нашему дому нужно было по прямой, никуда не сворачивая. Но на этом пути Насти не было. Я уже успел сбегать к нотариусу, отнести нужный документ, а ее не встретил.

Придется обойти площадь и все отходящие от нее улочки, ведущие к нашему и соседним дворам. Я так и сделал и — о, счастье! — на одной из этих улочек я обнаруживаю Настю. С уверенностью слепого она входит в наш двор, только не с ближайшей стороны, а немного дальше.

— У вас тут все дома одинаковые. И все увешаны спутниковыми антеннами, они меня почему-то совсем путают. Теперь только я увидела, где наш дом. От него наискосок дом с тем балконом. Я запомнила его и по нему определила наш дом. Больше ведь никаких ориентиров тут нет, — попыталась объяснить свои блуждания Настя.

«Тот балкон» — это вычурный, весь в завитках из черного металла, балкон, сооруженный каким-то небедным господином в бывшей квартире моего одноклассника. У Влада было много талантов, но он не сумел поставить себе на службу ни один из них, спился и умер при подозрительных обстоятельствах — нередкая, увы, история в наших двух странах. А теперь в квартире Влада

поселились какие-то люди и создали, оказывается, единственный ориентир, по которому можно выйти к моему дому.

Вместе со счастливо обретенной Настей я пошел домой. И тут вдруг словно туча нашла на солнце. Мы увидели, что у подъезда нас поджидает тетя Соня. Должно быть, я неадекватно реагирую на нее, как, впрочем, и Настя. Ну зачем же считать ее таким уж монстром? Как, в конце концов, она может заставить нас отдать мамину квартиру? Тем не менее, несмотря на все эти здравые соображения, какая-то обжигающая злоба поднялась во мне. Я больше не был потеряннным. Не был и человеком с севера, замороженным, даже когда речь идет о жизни и смерти. Сейчас я готов был рвать всех зубами, защищая свой кровный интерес, — линия поведения, которая в этих краях как раз всем очень понятна.

— Тетя Соня, мы не будем продавать квартиру.

— Ой, как же так, Сергию? Ты же обещал.

— Мы передумали. Будем приезжать сюда на лето. Внуков привозить.

— Но ты же обещал, Сергию! Вот я сейчас встану перед тобой на колени, вот увидишь, что я ничего плохого тебе не желаю!..

Тетя Соня из царственной дамы мигом превратилась в доведенную до крайности попрошайку. Я почувствовал, что вставание на колени было самым малым, что она способна была совершить в эту минуту. Конечно, она не ожидала, что мы решимся на столь явный отпор, и теперь вынуждена на ходу искать способы воздействия на нас. Между тем мой запал уже прошел и я снова стал представлять собой легкую добычу. Поэтому я схватил Настю под локоть и потащил ее к дому. Мы проскочили мимо тети Сони и понеслись по ступенькам наверх, к своей квартире. Тетя Соня поспешила за нами.

Сзади слышался ее голос, который стал приобретать угрожающие нотки:

— Сергию, остановись! Послушай, что я тебе скажу!

Мы прошмыгнули в квартиру и поспешили защелкнуть замок. Только оказавшись под защитой дверей, почувствовали себя в относительной безопасности.

— Я больше так не могу, — проговорила Настя. Меня трясло. От человека, минуту назад го-

тового зубами защищать свой кровный интерес, не осталось и следа. Да и Настя, судя по ее словам, была совершенно уничтожена. Никогда прежде ей не приходилось участвовать в подобных сценах, в ее жизни людей, подобных тете Соне, попросту не встречалось. Ей сильно повезло, или, скорее, она умела выбирать людей. А вот в моей жизни подобные персонажи встречались, взять хотя бы мою бывшую жену, которая играла драмы день через день просто от скуки. Тем не менее броню против таких людей я так и не смог нарастить.

— Может быть, мы закалимся здесь после всего этого? И все чудовища мира нам станут нипочем. Можно подумать, в России их мало, — заговорил я, обращаясь даже не к Насте, а к некоему верховному существу там, высоко над нами.

Мы закрыли дверь в кухню, надеясь забаррикадироваться этим от всего мира. Чтобы хоть чем-то заняться, я согрел чай, вытащил на стол конфеты. Но внешний мир достал нас и в этом укрытии. За окном послышались какие-то крики. Вроде бы это был не голос тети Сони, так что я набрался смелости и выглянул в окно. Внизу стояла Ирка.

Я открыл окно и спросил:

— А тебе чего?

— Можно я войду? — попросила она.

— Там, в подъезде, может сидеть в засаде тетя Соня, — заметил я.

— А я ее не боюсь, — заверила Ирка.

— Хорошо, заходи. Только не дай ей просочиться вперед тебя.

Ирка кивнула и припустила к нашему подъезду. К счастью, тетя Соня не прорвалась вместе с ней.

— А что случилось? — первым делом спросила наша новоприобретенная знакомая.

Выслушав нас, она вдруг заявила:

— Вам надо уехать. Срочно.

— Не будем мы куда-то уезжать.

— Во Львов. Я имею в виду, во Львов. На денек. На экскурсию ходите, по магазинам. Ты, Сергей, давно ведь не ходил по Львову, а Настя вообще никогда.

Поначалу идея показалась мне бредовой. Конечно, не мешало бы съездить во Львов, но не сейчас, не в данных обстоятельствах. А Настя вдруг поддержала свою подружку:

— А и в самом деле. Давай развеемся, а? Тут и ехать-то всего ничего.

— Едем! — тут же решил я.

— Только оставьте мне ключи. Я посижу тут, вас подожду, — предложила Ирка.

— Зачем же ждать нас?

Но Ирка настаивала на своем, и в конце концов мы оставили ее дома, а сами, наскоро собравшись, пошли на центральную площадь и сели в первый же львовский автобус.

Одно из самых страшных воспоминаний моего детства — автобусы до Львова. Вечно старые, грязные, едва ползущие. И были они по преимуществу своего же львовского завода, знаменитого ЛАЗа, хотя непонятно, почему всегда старые, ведь выпускались они тысячами штук, но, вероятно, все эти тысячи падали в бездонную бочку России, кавказских и азиатских республик и исчезали там без следа. Или — что тоже вероятно — ЛАЗы просто очень быстро изнашивались, особенно при такой нещадной эксплуатации.

Лишь изредка, как солнце на моей северной родине, попадались на Украине новенькие, сияющие «Икарусы», но и они не могли ничего противопоставить второму и главному — кошмару автобусных перевозок здесь.

Автобусы тут всегда набиваются людьми под самую завязку. Смерд, какие-то корзины, баулы, ноги, зады и головы давят на вас со всех сторон на всем протяжении пути, от начальной станции до конечной. Села здесь расположены через каждые пять километров. И люди без конца ездят из села в село. Хотя чего ездить? Еще вчера там были, ну, или на прошлой неделе. Впрочем, родственные связи здесь святыня, и поддерживаются они не на шутку, а родственники живут в каждой деревне. И вот благодаря этому украинцы, наверное, самая перемещающаяся нация на планете.

И еще здесь невероятно отзывчивые водители. Они подбирают всех на каждом перекрестке, так что любая поездка превращается не только в бочку с сельдями, но и длится как кругосветный вояж.

Со времен моего детства изменились только автобусы. Теперь это были не ЛАЗы, а машины поменьше, зато все до единой новые и чистенькие. Но набиваются они так же под самую крышу и останавливаются на каждом перекрестке.

И чудесная нация эта осталась самой перемещающейся на земле.

Нам с Настей удалось занять сидячие места, но у самого входа. На одной из остановок в него заперлась тетка с тележкой, на которой громоздились какие-то баулы. При заталкивании колесики проехали по Настиной ноге, а потом тележка установилась в таком положении, что вполне могла наехать на ногу снова. Мне пришлось придерживать тележку и следить за Настиной ногой. Так я и проехал всю дорогу — нога, тележка — а ведь за окном в тот момент проплывали любимые с детства пейзажи, одни из красивейших на земле.

Такие мягкие, ласковые, расположенные к людям холмы, долины и перелески бывают только здесь — и еще, как уверяет Настя, в Болгарии, но не знаю, я там не был, а здесь они точно есть. Но за все время поездки я так и не смог насладиться ими сполна. Тетка убралась только в самом Львове, и когда мы наконец приехали к вокзалу и вышли из автобуса, я еще долго не мог отдаться отпускному настроению, так и пребывал в боевой готовности — нога, тележка.

Насте хотелось попасть на обзорную экскурсию по городу. Я решил, что она должна начинаться прямо от железнодорожного вокзала. Но выяснилось, что не там, а в другом месте: экскурсионный автобус подъезжает к вокзалу, уже проделав полпути маршрута. А ждать его нам пришлось бы еще целый час. Зато маленькие экскурсии следуют только по центру города, проводятся чаще и отправляются с площади Рынок. На одну из таких мы и решили отправиться. Мы узнали, что ехать до площади Рынок нужно на трамвае.

Первое, что мы услышали в этом доисторическом, но таком милом транспорте (лет сто не ездил на нём — в Петрозаводске есть только троллейбусы), — это русская речь. Какой-то мужчина совершенно свободно говорил по-русски стоявшей рядом женщине, и никто не кидался на них с топорами. Так что ходящие в России слухи о дискриминации русского языка во Львове сильно преувеличены. Здесь просто нельзя вести себя с характерным московским высокомерием, которого сами москвичи в себе не замечают, — и все будет хорошо.

Впрочем, у москвичей это не высокомерие

даже, а некое облегчение, раскрепощение, наступающее у них вдали от их дьявольского мегаполиса, который всех на свете пригибает. Но трудно объяснить такие тонкости людям Западной Украины, чьи отцы и деды сполна испытали на себе, что такое сталинский СМЕРШ. И не важно, что все уже давно не так и не там, но есть такая штука — историческая ответственность, и ее не избыть за одно-два поколения, если вообще возможно избыть.

Есть одно соображение, которое все окончательно запутывает. Я прожил среди русских почти всю сознательную жизнь и так и не нашел ответа на один вопрос. Это ведь не самая безголовая нация на земле. Русская культура XIX века остается величайшей в мире. Ну что может превзойти Достоевского, Толстого, балы в Зимнем дворце и прочее, прочее? Но вот вопрос: как спустя всего несколько десятилетий после своего «золотого века» эта нация умудрилась посадить себе на шею грузинского боевика-маньяка?

Нынешние поколения русских не знают ответа на этот вопрос, а те, уходящие, ответственные за такой выбор, уже ничего не могут объяснить. Историки пытаются, строчат горы книг, но что-то самое главное в их многословных объяснениях исчезает. Похоже, эту тайну уже никому разгадать не под силу. Но расплачиваться за необъяснимое безумие предков нынешним, ни в чем не повинным русским людям придется до окончания веков.

Все эти посторонние соображения неизбежно охватывают тебя во Львове, хотя на косые взгляды можно нарваться скорее в глухих селах, чем в этом чудесном городе. Лишь в трамвае я понял, что мы попали совсем в другую реальность. Мимо, чуть подтанцовывая, разворачивались бесконечной чередой вычурные, похожие на праздничные торты, европейские дома, — такие, как их рисуют в книжках братьев Гримм. Настя тоже замороженно глядела в окна.

А на площади Рынок нас уже поджидал смешной маленький паровозик с несколькими вагонами. На самом деле он, конечно, был на колесах. Уже через несколько минут мы отправились на экскурсию. Наш вагон немилосердно подпрыгивал и тряся. Весь центр Львова выложен брусчаткой, по ней почти невозможно ездить на колесном транспорте, да я и не знаю,

на каком можно. Но все равно ехать было хорошо — просто так ехать и глазеть по сторонам.

Настя ловила каждое слово из наушников, где говорили на русском, а я слушал экскурсию в оригинале. Несомненно, ее более всего заинтересовала история о том, что в старые времена львовянки надевали все лучшее и выходили сидеть на балконы, а кавалеры прогуливались внизу, высматривая себе невест. Однажды это принесло сногшибательный результат. Одну красавицу на балконе заметил то ли граф, то ли принц. И увез к себе то ли в Варшаву, то ли в Вену (я-то эту историю слушал как раз невнимательно). Простая девица торгашеского сословия попала сразу в дамки — извечная история золушки...

А меня восхитила история о том, как защитники Львова, осажденные татарами, захватили одного из них в плен, привязали его к колоколу и били им вместо медного языка. У нас считается, что именно Россия не дала монголо-татарским ордам выплеснуться в Европу, просто измотав их силы в течение нескольких веков. Это правда, но и здешние лихие ребята тоже очень для этого постарались.

Советский период в экскурсии почти не упоминался. Отмечено было только одно достижение красных. Когда они аннексировали эти области в конце тридцатых, то открыли загсы, где преспокойно можно было оформить развод. И львовяне ринулись в эти учреждения толпами. Ранее ничего подобного тут не было. Католическая вера заставляла тащить опостылевшие браки до гроба.

Эти узкие улочки, лепящиеся друг к другу, кукольные средневековые домишки, тяжелые, припечатывающие вас к земле своей верой соборы, эти великосветские барочные апартаменты, перемежаемые официозными строениями в неоклассическом стиле. И — апофеоз всему! — исполненный версальского великолепия дворец Потоцких или других магнатов, не помню каких, ибо голова моя все еще работала не так, как надо. Это солнце, то и дело прячущееся и снова выныривающее из облаков, уже потемневшая зелень листвы и травы и этот внезапно выскакивающий из-за угла прохладный ветерок (весна все еще остается необычайно холодной). И этот особый запах. Чуть горьковатый, призрачный запах сотни

разных сортов пыли. Так пахнут строения, простоявшие на земле не менее трехсот лет...

Когда текст в наушниках закончился, Настя проговорила:

— Я стеснялась тебе сказать. Ночью мне приснилось, что в квартире твоей мамы играют двое детей, мальчик и девочка. Ссорятся из-за пустяка, паровозик не поделили или еще что. У меня есть кое-какой дар предвидения. Наверное, так и будет. Дети будут играть в этой квартире. Вот только чьи? Не наши, тогда чьи? Мы же с тобой пытались...

Как всякая всерьез нашедшая себя пара, мы хотели ребенка, причем сходились на том, что хорошо бы, чтобы это была девочка, потому что по одному сыну у нас уже было. Что ж, мы всячески пытались поспособствовать появлению дочери, но... в конце концов поняли, что, похоже, наше время ушло. Подумав, пришли к выводу, что так даже лучше. Время в данных обстоятельствах было нашим злейшим врагом. Обоим уже сильно за сорок. Нам просто не хватило бы оставшейся жизни, чтобы как следует поставить на ноги свежерожденную дочь.

— Может, это наши внуки? У нас с тобой как-никак по сыну.

— Ты тоже считаешь мой сон пророческим? — с какой-то почти просительной интонацией спросила Настя.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, — со всей возможной убежденностью заверил я.

Настя прижалась ко мне, я ее приобнял. Наш экскурсионный вагончик вернулся на площадь Рынок.

А потом мы пошли пошариться по магазинам. С хорошей скидкой купили мне джинсы в фирменном магазине «Ливайс», а Насте — сумочку в народном стиле, ну, разумеется, оранжевую, ибо девочка моя просто не может пройти мимо этого цвета, надо признать, довольно редко встречающегося в одежде и аксессуарах. Когда мы закончили шопинг, на город опустились сумерки.

Засиявший множеством огней Львов совершенно точно стал городом из самого конца сказки, где начинают праздновать свадьбу принцессы. Подсвеченные фасады вычурных домов обещали призрачное счастье. Обратный автобус в наш городок был — о чудо! — полупустой, и мы с удобством расположились в центре салона, по-

дальше от дверей с возможным нашествием тележек. Я тут же повернулся к окну, но пейзажи моего детства теперь тонули в темноте — опять не удалось впитать их в себя, чтобы хоть родина помогла, если не помогает ничто другое.

Настя быстро уснула, а я за неимением лучшего так и таранился в темноту за окном до самого возвращения в город наших скорбей.

— Я не удивлюсь, если Ирка все еще сидит у нас, — проговорила Настя, когда мы подходили к моему дому.

— Очень может быть. Мы единственные в этом городе, кто принимает ее всерьез.

— Признаюсь тебе, она начинает меня утомлять. Слишком много говорит. И все сводится к тому, чтобы выморщить у нас еще одну тряпку или мешок сахара, — пожаловалась моя подруга.

— Надо терпеть. Сами пригрели.

Но в квартире Ирки не оказалось. Очевидно, ей все-таки надоело нас ждать.

Я уже успел поставить и согреть чай, а Настя все еще оставалась в прихожей и, судя по доносившимся шорохам и стукам, производила там какие-то загадочные манипуляции.

— Эй, ты снова начала искать золото?

— Ищу вторую туфлю. Ты не знаешь, куда она могла подеваться?

— Господи, мне еще за твоими туфлями следить. Ты что, вернулась из Львова в одной туфле? — удивился я.

— У меня же было две пары. И вот от этой второй, которая оставалась дома, туфля потерялась, — объяснила Настя.

— Брось. Найдется когда-нибудь, — сказал я, памятуя о том, как у нас теряются вещи по пьянке.

Правда, мы давно уже трезвые, но могут же теряться вещи и у трезвых людей.

— Я точно помню, что, когда мы уходили, туфли стояли в прихожей. Не больная же я. А теперь все там перешерстила, — нет туфли, — жалобно проговорила Настя, наконец-то появившись на кухне.

— Великая детективная загадка. Где вторая туфля?

— Смейся, а пойдешь сам посмотри.

— Буду я еще туфли искать.

Но, по правде говоря, загадка эта меня заинте-

ресовала. Мы с Настей очень любим детективы — и это еще одно, что нас сближает. Без конца покупаем подобное чтиво, хотя отчетливо сознаем, что тратим деньги на непрестижную, едва ли не постыдную по нашим временам потребность. Впрочем, приобрели мы и электронную книгу, куда можно закачивать сотни текстов из Интернета, совершенно бесплатно. Но к этому чуду техники мы все еще не привыкли и покупаем книги по старинке. Правда, делаю это в основном я, а Настя уже начинает мрачнеть, глядя, как книжками загромождаются все углы.

По ящику мы тоже смотрим с ней исключительно детективные сериалы. Какое счастье, что этой девочке даром не нужно женское «мыло», вот уж чего я бы не выдержал ни дня! Мы уже так поднаторели, что всегда разгадываем преступника задолго до того, когда авторы решают предьявить его нам. И неужели же мы сейчас не сможем разгадать жалкую тайну какой-то туфли?

— У нас была только Ирка. Больше спереть туфлю было просто некому. Но остается самое трудное. Понять логику этого страшного преступления. Ведь должна же быть какая-то логика? — заметил я.

— Вчера я вытащила из маминого сундука большое банное полотенце. А утром посмотрела — его уже нет. Ирка увела вместе с остальными вещами, которые получила от нас легально, а я и не заметила ничего. Утром я не стала тебе ничего говорить. Черт знает до чего доводит людей нищета. Значит, все-таки Ирка. А вот смысл тырить только одну туфлю... Дай мне подумать.

— Ну что ж, думай. Боюсь, мужской ум тут бессилён.

Настя отправилась шуршать в спальню — на всякий случай, вдруг туфля найдется там. Перебежала каким-то образом из прихожей, приделав себе ножки, чем черт не шутит, с туфлями это иногда случается.

— Поняла! — гордо произнесла Настя, снова появившись на кухне после безрезультатных поисков.

— Ну, давай, мисс Марпл.

— Логика такая. Ирка крадет одну туфлю. Что я сделаю со второй? Конечно, оставлю здесь или выброшу. Но Ирке хотелось бы верить, что все-таки оставлю. Собираясь уезжать, мы просим ее присматривать за кварти-

рой и оставляем ей ключи. Когда нас уже нет, она входит и — опля! — становится счастливой обладательницей целой пары почти новых туфель. Кстати, вчера она жаловалась мне, что у нее отекают ноги и туфли — ее собственные — жмут. Вероятно, пока нас не было, она примерила мои и решила, что они самое то.

— Но как она могла надеяться, что мы не заметим кражу? — все еще не верил я.

— Ну, наверное, думала, что мы припишем исчезновение туфли собственному разгильдяйству. Мы же с тобой не очень правильные, да? Вот и решили бы, что сами затеряли куда-то туфлю. Затеряли, да и черт с ней. Не смертельно, у меня, в конце концов, вторая пара есть.

— Ну да, наверное. Что-то в этом роде. Но все равно нормальной такую логику не назовешь.

— Безумие, да. Еще какое, — согласилась Настя.

— И что завтра делать? Уличить ее в воровстве и требовать туфлю назад? Не могу я быть таким инквизитором, — в замешательстве проговорил я.

— Я тоже не могу.

— Ну ладно. Завтра будет завтра. А сегодня, после Львова, может наконец нормально заснем.

Глава восьмая

В этот раз я не сделал ничего такого, что заслуживало бы экзекуции. Не прогулял тренировку в бассейне, не отхватил — редкий случай! — трояк или даже целую двойку в школе. Не сожрал суп холодным. Между прочим, каким-то фантастическим способом мама умела определять, разжигал я плиту или нет. Считала, что ли, сгоревшие спички? У нас категорически запрещено выбрасывать их в мусорное ведро. И не спрашивайте меня почему. Может, мама боится вызвать пожар, если бросить в ведро ненароком ползатушенную спичку, кто знает. На тумбочке у плиты стоит специальная жестянка, вот туда и надо бросать спички, так что их действительно нетрудно подсчитать.

В чем же я провинился? Может, где-то насолил в квартире, оставил разбросанными какие-то вещи? Но ведь я, как всегда перед приходом

мамы, обошел комнаты и придиричливо осмотрел все уголки. Квартира была идеально подготовлена к ее возвращению.

У нас культ чистоты и порядка. Что бы ни случилось, все должно стоять на своих местах, и нет более тяжкого греха, чем брошенная и позабытая на полу книжка. Или еще, не дай бог, несколько крупных капель чая на скатерти. Я вынужден подчиняться этому культу, меня натаскивают на безупречность много лет, но я, такая бестолочь, все еще нет-нет да и забуду что-нибудь к приходу мамы.

Нет, не это. Будь это одна из вышеназванных причин, мама бы уже давно обозначила ее. Преступник должен знать, за что его карают, — основное правило юстиции, и маминой юстиции в том числе. Но на сей раз она молчит и смотрит на меня теми глазами, за которыми обычно следует экзекуция. Наверно, в этот раз я совершил нечто особенное, что выходит за пределы обычного круга моих провинностей.

Но что бы это могло быть? Уж, конечно, я не тырил у нее деньги. Одного раза мне вполне хватило. Года два назад я стащил у нее из кошелька не десять, двадцать копеек, как это нередко бывало, а целую пятерку. Я хотел купить ружье. Когда я увидел его в игрушечном магазине, то тут же понял, что без него не смогу жить. А мама в покупке ружья почему-то отказала.

Хотя, вообще-то, игрушек у меня больше, чем у кого-либо из ребят во всем дворе. Они приходят ко мне, выклянчивают на время, а потом не возвращают вовсе. Мама после этого ругает меня простофилей, вспоминая бабушкину поговорку о том, что простота хуже воровства. Значит, воровство — это не так уж плохо? Но мама, обнаружив пропажу пятерки, показала мне, что на самом деле хуже этого греха ничего на свете нет. Экзекуция в тот день продолжалась особенно долго, и я едва ее пережил. Но с тех пор я ни у кого ничего не крал.

Нет, и в воровстве меня обвинить нельзя. Но в чем же тогда? Мама, скажи, скажи. Но беда в том, что она обожает психологические игры. Ее экзекуции скорее душемотательные, чем шкурковыбивающие. Вот и сейчас она как можно дольше тянет с объяснением, заставляя меня копать в себе, выискивая несуществующие провинности. Она смотрит на меня, и

во взгляде ее читается то, чего я боюсь больше всего. Если бы она не была моей мамой, я бы сказал, что это... безумие. Я вижу, что сейчас она способна на все, буквально на все, даже меня убить, разнести по закоулочкам.

Время идет, невыносимое время идет, а объяснение моей сегодняшней вины так и не поступает. Я чувствую, что меня втягивает словно бы в какой-то интеллектуальный штопор, из которого нет выхода. Лестницы предположений уходят все дальше вниз, закручиваясь в немыслимую спираль, а в конце этого темного колодца поджидает что-то и вовсе невыразимое словами.

— Ты еще улыбаешься? Чему ты улыбаешься? — вскипает вдруг мама.

— Не улыбаюсь я. Ничего такого.

— Умный стал, да? Думаешь, я тебя не выгоню. Думаешь, это понарошку? Нет, на этот раз всерьез. Собирай чемодан — и на выход!

Любимой маминой фишкой было выгонять меня из дома. Конечно, я знал, что никогда она меня по-настоящему не выгонит. Однако представления, разыгрываемые ею, были столь убедительны, что в какие-то моменты приходилось верить — выгонит, да еще как. Для убедительности сцена перемещалась в прихожую, открывались двери... Иногда доходило даже до сборов чемоданчика. Я что-то лепетал, обещал исправиться. Мама находила все новые доводы в пользу моего изгнания.

Это продолжалось часами, хотя, может быть, мне только так казалось, а на самом деле проходили минуты. Наконец в маме как будто расслаблялась некая заведенная пружина. Несмотря, с большими оговорками, с моими обещаниями стать лучше, чуть ли не идеалом, образцом для всех ребят в городе, республике, стране, она соглашалась оставить меня дома на испытательный срок.

В тот день трагикомедия разыгрывалась по обычному сценарию, но объяснения, за какой проступок меня наказывают, я так и не дождался. Да и не было его, этого проступка, — уверен я по сей день своей жизни. Но почему же в тот раз мама изменила своему принципу справедливого правосудия и не сказала, за что меня карают?

Возможно, это так бы и осталось тайной — одной из тех, которые мы проносим через всю

жизнь, но так и не находим разгадки. Если бы не Настя. Спустя много лет она объяснила мне, в чем была моя вина. Ее прозорливость не была какой-то особенной и к любимым нами детективам не имела отношения. Просто с ней тоже когда-то происходило нечто подобное, но в куда более легком и прозрачном варианте, так что найти причину было нетрудно.

Ее матери пришлось пережить примерно то же, что и моей. Ее муж тоже отличался по «ходовой части». Но, в отличие от моей, ее мать подхватила маленькую Настю и уехала из литовского городка в относительно большой Петрозаводск. Впрочем, ее ненависть к ходоку была такой же всеобъемлющей, как и у моей мамы.

— Знаешь, что я заметила? Все мы дети своих отцов. И в нас иногда проскакивают их жесты, их выражение глаз, особенности речи. Например, я люблю сидеть на корточках на стуле, как кошка. Только пару лет назад я узнала от мамы, что так же любил сидеть и мой отец. В какие-то моменты мама вдруг начинала меня ненавидеть, и я тоже долго не понимала почему. А потом поняла: я просто как-то посмотрела, улыбнулась, что-то сказала, как-то села, что моей маме живо напомнило отца. Вот и ты, наверное, в тот злосчастный день сказал что-то или сделал какой-то жест, для тебя совершенно неосознанный, и мама увидела в тебе отца. Так что тогда она наказывала вовсе не тебя... — поделилась своими догадками Настя. И я думаю, что она права.

Мама, мама... Твои экзекуции я не мог забыть, даже когда стал взрослым. Из-за них, проклятых, я старался держаться подальше от тебя, думая, что ты страдаешь каким-то серьезным психическим расстройством. А это была всего лишь оскорбленная любовь. Если бы я узнал все это раньше...

Все-таки детям стоит рассказывать правду. Я предлагал тебе переехать к нам, в Петрозаводск, и когда ты отказывалась, ощущал облегчение. Я не торопился ехать к тебе, даже когда, в основном, надо признать, благодаря Насте, у меня в кармане завелись лишние деньги. В глубине души я желал, чтобы мы так и жили в отдалении друг от друга, чтобы между нами пролегли тысячи и тысячи километров. И все потому, что ты предпочла оставаться облеченной в тайну до самого конца.

— О чем задумался? Вспоминаешь эти свои экзекуции?

Мы с Настей дошли уже до той стадии близости, что без труда читаем мысли друг друга. Впрочем, она читает их чаще, чем я.

— Ну да.

— Можно уже простить. Что теперь думать об этом?

— Да, что теперь... — В дверь позвонили. — Ну кого там еще несет? Неужто Ирка?

Но нет, на этот раз к нам пожаловал тот самый дядечка с попугаем, которого мы не чаяли увидеть во второй раз. И снова он маялся на пороге, не решаясь обнаружить цель своего визита.

— Можно я зайду? — наконец решился он.

— Заходите, заходите.

Пройдя в гостиную и увидев, что Настя занимается разбором оставшихся от мамы документов (ветеранские и трудовые книжки, почетные грамоты и свидетельства, какие-то счета и прочее), он проговорил:

— Тут мае буты одна вещь. Можно я подыволюсь з вами?

Настя недоуменно посмотрела на меня.

— Он просит разрешения посмотреть вместе с тобой документы. Это неспроста, я думаю. Он хочет что-то нам показать, — объяснил я.

Дядечка присоединился к Насте в разборе бумаг.

— Ось! Це дуже важно.

Он выхватил из стопки какую-то бумажку и протянул ее мне. Это оказался договор моей мамы с банком «Надра», свидетельствовавший о том, что она положила на депозитный счет три тысячи гривен.

— И ще треба знайти банківську картку.

Вскоре дядечка нашел и ее. А затем вдруг попросил:

— А можно я визьму на пам'ять якусь Ритину фотокартку?

— Конечно, возьмите. Настя, помнишь, мы нашли три красивых фотографии мамы? Те, на которых она похожа на Грейс Келли.

Настя метнулась к тумбочке, где она сложила уже разобранные бумаги, нашла фотографию и протянула ее нашему гостю.

— Дякую, дуже дякую.

Дядечка заторопился к выходу.

– Может... – проговорил я, сам не зная, что хочу сказать.

Но дядечка уже выскользнул за дверь, которая, оказывается, все это время стояла открытой.

– Твоя версия подтвердилась, – сказал я.

– Надо было его расспросить.

– Надо было. Но мне было как-то неловко. И ему, наверное, тоже.

– Между прочим, единственный человек во всем городе, которому от нас ничего не нужно. Ну, кроме попугая и фотокарточки, – сердито заметила Настя.

– Не будем преувеличивать. Я думаю, таких большинство. Просто они не высовываются. Зачем им это? Высовываются только те, кто хочет с нас что-то поиметь.

– Мы только и делаем, что сидим и ждем, кто позвонит в дверь. Тот, кто хочет нас поиметь, или тот, кто не хочет, – продолжила ворчать Настя.

Словно в подтверждение ее слов тут же прозвучал дверной звонок. Сколько же их было за последнее время, словно мы объявили общегородской прием!.. Это оказался Коля.

– Может, черная полоса прошла. И отныне к нам ходить будут только люди света? – прокомментировал я его приход.

– Ты про что, чоловиче? – изумился Коля.

– Так, о своем. Ну, як ся маешь?

Против ожидания Коля не стал демонстрировать свой вечный оптимизм, а заговорил вдруг совершенно не свойственным ему глухим, потерянным голосом:

– У меня тут такое. Старому Д'Артаньяну пришел... конец. Танька неожиданно вернулась из Чехии.

– И застала тебя с девочкой? – продолжил я. – То бишь ты нарушил правило номер один?

– Не-е-е... – Колька даже вскинул руки в знак протеста. – Еще хуже.

– Что может быть хуже?

– Я и сам думал, что не может. А оказывается, может. Она головой тронулась. Потому и вернулась. Психиатрия, я не шучу. Родственники собираются везти ее к головоправу во Львов, – рассказал Коля.

– Да, история.

Мой друг в самом деле выглядел угнетенным. Долгое время он просто сидел и молчал – это

он-то, который всегда находил слова по любому поводу и без повода. Наконец он произнес:

– Раньше из всех заморочек выходил оципаный, но непобеденный. А сейчас не знаю, что делать. Настя, ты же врач?

– Не того профиля, – поспешила охладить его надежды моя девочка. – В универе мы изучали психиатрию, но с тех пор сто лет прошло. И практики такой у меня никогда не было. Коля, тут надо обращаться к специалисту, другого пути нет. А как все это выглядит? С Таней?

– Она ничего не делает, лежит. Бойтся на улицу выйти.

– Это может быть глубокая депрессия, – заметила Настя. – В принципе, сейчас она лечится, хотя раньше ее даже болезнью не признавали. А говорит она как – разумно, связно?

– Говорит мало. Иногда заговаривается. Я ее понять не могу, – пожаловался Коля.

– А вот это хуже. Но, может, и нет. Психиатрия – штука тонкая. Как наука, она все еще находится в детской стадии развития. Мы мало что знаем и мало в чем можем помочь. Но тут надо терпеть. И верить, сильно верить в выздоровление.

Я даже заслушался, как красиво Настя излагает. Обычно ее речь не назовешь правильной, но когда приходит подлинная беда, она находит слова, которые люди слушают. Вот и Коля превратился в десятилетнего мальчика, который внимает каждому слову мамы, – в этом возрасте маме еще внимают.

– Но у меня уже не хватает терпения.

– Коля, я тебе не учитель жизни. Сама натворила кучу ошибок. Но ведь эта девочка работала ради того, чтобы ты безбедно жил на всем готовом. Работала как черт, без выходных. И оттого, наверное, тронулась. А ты собираешься уйти от нее, я правильно поняла? – продолжила вразумление Настя.

– Но я не могу. Я Д'Артаньян, а не Мать Тереза, – заявил Коля.

– Сидеть целыми днями с такой больной – настоящий подвиг. А не от каждого можно требовать подвигов, – попытался я встать на защиту друга.

– Не спорю. Я и сама не знаю, смогла бы я выдержать такое, – согласилась Настя.

Праведный порыв в ней уже угас, она ведь у меня мудрая девочка, а не моралистка за чужой

счет, коих в наших обеих странах все еще немало, несмотря на крушение всех видов морали.

— Давайте не будем никого обличать. Не судьи мы. Коля, если тебе надо выпить, я готов спонсировать тебя. Только за бальзамом уж сходи сам, — подвел я итог разговору.

— Но мы пить не будем. Ты уж пей один, ничего? — вмешалась Настя.

— Я и не предполагал, что мы будем пить с ним. Но ему, по-моему, нужно.

Я и в самом деле не собирался пить. Это не было хитростью алкоголика, увидевшего благоприятный момент, чтобы дать волю своей страсти. Ну, разве что совсем чуть-чуть. Но с этим пришедшим из-за угла, как бы совсем не явным желанием, от которого, тем не менее, тут же затрепетали все клеточки моего тела, я мог справиться. Если мы с Настей решали не пить, то зубами держались за свое решение.

— Как хотите, — молвил Коля со снисходительностью алкоголика-джентльмена.

Я выдал ему деньги, он сбежал в магазин, выпил, действительно в гордом одиночестве, а потом вдруг сказал:

— Настя, я бы снял вашу квартиру.

Затем Коля начал говорить о том, какой он честный, как скрупулезно платит за съемную квартиру. И хотя у него нет регулярной работы, денежки водятся всегда. А вообще-то, он обладает неким капиталом, в отличие от нас с Настей. В свое время он работал на нефтепромыслах в России и купил сколько-то акций Лукойла, — в те блаженные времена, когда их еще распространяли среди простых рабочих.

Коля показал письмо от какой-то московской фирмы, где и в самом деле предлагали выкупить принадлежащие ему акции за 260 тысяч рублей. Да, вот так неожиданно наш друг оказался королем нефтепромыслов.

Я посмотрел на него новым взглядом, но почему-то короля в нем не увидел. Сегодня он казался еще более потрепанным, чем всегда. Эти старые, грязные джинсы, эта обтерханная футболочка. Этот общий востроносый и слегка пришибленный вид. Газпромское состояние — в него-то я как раз готов был поверить. Подделывать такое письмо слишком сложно. Коля, конечно, мошенник, да не того уровня. Но это еще не гарантирует своевременную оплату квартиры.

Увидев безмолвные знаки, которые подавала мне Настя, выпучившая глаза и раза два мотнувшая головой, я проговорил:

— Мы подумаем. Это для нас слишком неожиданно.

— Но я...

— Коля, не дави. И так тут на нас все надавили.

— Ладно, мушкетеры знают, когда надо отступить с достоинством, — пошел на попятный Коля и завел свои обычные байки, уже не раз нами слышанные, про каких-то своих знакомых, нам совсем не интересных.

Мы терпели сколько могли, а потом вежливо выпроводили нашего друга. Как только за ним закрылась дверь, Настя сказала:

— Господи, есть ли в этом городе хоть один человек, который не хотел бы от нас чего-нибудь?

— Вот уж от Коли я не ожидал, — согласился я.

— Ну, у него-то как раз обстоятельства уважительные. Только давай не будем думать об этом сегодня, — попросила Настя.

Немного позже я решил устроить для своей подружки еще одну туристическую экскурсию, на сей раз в пределах своего городка.

При том, что он построен по типовому проекту, в нем тоже можно найти несколько достопримечательных мест. Представьте себе, в моем городке есть своя маленькая Италия. На самой крайней из трех параллельных улиц, из которых, как известно, состоит городок, расположились весьма необычные дома. У них масса архитектурных излишеств — башенок, эркеров, веранд — и все это выполнено в уютном старинном стиле. Нет, это не сталинский ампир, упомянутые дома абсолютно лишены характерной для этого стиля помпезности. Скорее, все это напоминает архитектуру средиземноморских городов. Кто позволил советским архитекторам так разойтись?

А дворы в этом квартале как-то особенно утопают в зелени. Кусты разрослись много выше человеческого роста, веранды на первых этажах сплошь увиты незнакомыми мне экзотическими растениями. Среди зелени там и тут проглядывают роскошные головки цветов.

Именно цветы, вернее, то, как с ними обращаются местные жители, больше всего поразило Настю во Львове. Цветы в этом городе можно встретить в самых разных, неожидан-

ных с точки зрения россиян, местах. Целые шары из цветов украшают... фонарные столбы. Но особенно запали в душу Насте свисающие на длинных нитях с балконов и со специальных крючков, вделанных в стены, горшки с самыми разными растениями.

— Интересно, почему у нас на севере не принято разводить цветы в таких горшках-висюльках?

— спросила Настя. — Это же красиво.

— Почем я знаю?

— Надо перенять этот опыт. Приедем домой, я обязательно свешу такой горшок с нашего балкона. Вот из принципа. Какие же мы, северяне, заскорузлые! Не умеем вносить в жизнь красоту...

Это ее так разобрало во Львове, а сегодня, в маленькой Италии нашего городка, Настя просто утратила дар речи. Наконец она произнесла:

— Знаешь, эти места начинают нравиться мне все больше.

Да уж. Жаль, что мы попали сюда не в лучших обстоятельствах.

И еще Настя отметила в моем городке обилие маленьких лохматых собачонок. Каждую из них она сопровождала вскриком:

«Ой, смотри, еще одна Дрипа побежала!»

Дрипой звалась маленькая собачонка, которая когда-то была у нее. Однажды она подобрала на улице страшненькое, не похожее на собаку существо, выходила его и назвала Дрипой — от слова «задрипыш». Собачонка относилась к неожиданно приобретенной хозяйке с особенной преданностью. Она давно умерла, но Настя все еще не может равнодушно смотреть на представительниц подобной породы, случайно встреченных на улице.

— Таких собак здесь особенно много. Климат, что ли, для них здесь подходящий. У нас на севере почему-то преобладают более крупные особи, — поделилась наблюдением Настя.

Потом мы вернулись домой. Наступил поздний вечер. Я подошел к открытому окну и стал смотреть на свой двор, как это делал множество раз в детстве. Только тогда в этой темноте я высматривал будущее, а что я надеюсь высмотреть теперь? Не видно ни черта, но кое-что можно ощутить. Несмотря на вырубленные деревья, — вот и большого каштана, который рос под самы-

ми окнами, теперь больше нет, — несомненно роскошь этой не нашей, не северной зелени. Никуда не деться от ее густого пряного запаха. Все-таки я был не совсем прав в первых оценках ночи на Западной Украине. Сейчас в ней все-таки начала проявляться некая томность. А может быть, все дело в том, что с каждым днем на здешние места все стремительнее накатывает лето.

— Послушай, а ведь у нас на севере зелень почти не пахнет. А здесь — настоящая «Шанель»!

— У нас на севере не пахнет, — эхом откликнулась Настя.

Глава девятая

У Насти странная привычка: спать, запеленавшись в одеяло, как в кокон. Она и сама не знает, зачем так делает, привычка, и все тут. Сегодня эта привычка служит мне помехой, и еще какой — неодолимое препятствие, чёрт побери. Сегодня я наконец-то решил проявить к Насте некие поползновения. Но, когда к ней подошел, она уже спала, завернувшись в свой кокон, — неприступная, как мумия.

После тех Настиных измен наши, так сказать, интимные отношения вконец разладились. Я испытывал что-то вроде отвращения, она — что-то вроде стыда. «Что-то вроде», потому что все это слишком накручено, по-моему. Наша тяга друг к другу никуда не делась, она по-прежнему управляет нашими жизнями, но надо же мне было хоть как-то потешить свою пострадавшую гордыню. И надо же было повоспитывать Настю, дать ей понять раз и навсегда, что какие-то вещи делать нехорошо.

Настин же «стыд» во многом был всего лишь откликом на мою — смешно сказать! — позицию. А в общем-то, оба мы прекрасно понимали, что все случившееся — что бы оно ни было — надо просто претерпевать, ничего другого не остается, есть лишь некая надежда, что это со временем уйдет, как уходит все на свете.

— Бронзятная трапокрапа! — попытался разбудить ее своей характерной обзывкой.

Она как будто услышала, вытянула руку из кокона, немного поелозила ею в пространстве. Я уж было воспрянул духом. Но вот ее рука снова убралась в кокон. Настя, издав лег-

кий стон и немного почмокав губами, отвернулась к стенке, как была, туго спеленутой. Значит ли это, что она категорически отвергает мои поползновения? Наверное, придется считать, что именно так и обстоят дела. Будить ее более настойчиво я не стану.

Конечно, чтобы переносить такое безрыбье, мы с Настей вынуждены заниматься самоудовлетворением втайне друг от друга. Настя слишком часто отпрашивалась поспать на диване в гостиной, якобы в нашей маленькой тесной спальне ей не хватало воздуха. Безусловно, все это было секретом Полишинеля, но что нам было делать? Только представьте, как в разных комнатах лежат взрослые мальчик и девочка и каждый из них якобы втайне от другого занимается нехорошим делом. Оставалось только искать утешения в мысли, что у людей бывают еще более странные отношения, чем наши. И в самом деле, чего только не бывает. На то мы и люди, чтобы чудить.

А утром на пути к туалету меня остановил дверной звонок. Ну что такое — даже совершить священное утреннее омовение не дают! Я все-таки решил исполнить его, а они пусть катятся откуда пришли. Но не покатались, все так же трезвонили и трезвонили в дверь.

В дверях стояла Ирка (нет, ну что за человек, мы думали, после туфли она исчезнет с нашего горизонта!) и еще какая-то незнакомая мне женщина.

— Мы раскрыли подлюю интригу! — с ходу объявила Ирка.

— Я Марийка. Марийка Василенко. Твоя мама очень дружила с моей семьей, — сказала незнакомая женщина.

Присмотревшись, я понял, что она не такая уж незнакомая. Кажется, сейчас я угадывал в ней черты, когда-то уже виденные. Внешность у нее, впрочем, вполне отвечала стандартам «гарной дивчины»: чернобровая, краснощечкая, статная, всего вдоволь и даже с некоторым избытком. Но, главное, мерцает в ней какая-то спокойная мудрость из тех, что даются только благодаря удачному сочетанию генов. Что бы там ни говорили, благодаря опыту такую мудрость, не натужную, а естественную, как дыхание, вряд ли когда-либо обретешь.

Семья Василенко когда-то для меня была

«землей обетованной». Как я сейчас понимаю, по двум немаловажным причинам. Это была полная здоровая семья. Мужья здесь жили с женами, в одной квартире было представлено сразу несколько поколений. И жили они так, как будто иного и не могло быть, — словно такой порядок вещей предписан от века и ничто на свете не может его нарушить.

Я, выходец из неполной и, как мне казалось, уродливой семьи, неосознанно тянулся к тому, чтобы было правильно и от века. Ну, конечно, эта их спокойная мудрость. Она была присуща всем членам этой семьи, бабушке и деду, отцу и матери, сестрам, братьям и детям. Я помню ту чудесную атмосферу, где все делалось как надо, без особых усилий, где люди скользили друг подле друга, не сталкиваясь, где не было подводных камней и скрытых ловушек, которыми избивал мой собственный дом.

Складывая мозаику прошлого, я предполагаю, что первым познакомился с Василенко мой отец, а потом привел к ним мою мать. Затем он исчез, отправился бродить по другим мирам и людям, а мать продолжала ходить к Василенко, теперь уже вместе со мной. Когда она уезжала в командировки, оставляла меня у них на два-три дня. Потом мы стали ходить к ним по субботам на чаепитие. Но это случилось не в каждую субботу — увы, не в каждую. Однажды я написал в своем дневнике: «Сегодня черная суббота. Сегодня мы не пошли к Василенко». Когда мама увидела это, она устроила мне очередную экзекуцию.

Затем визиты к Василенко почему-то прекратились и больше уже не возобновлялись. Это случилось, когда я подступал к возрасту старших классов. Возможно, мама поняла, что эти люди стали слишком много значить для меня, и приняла меры. А скорее всего, мама опасалась, что я становлюсь слишком умным. И вполне способен понять кое-что из того, что говорилось за столом у Василенко, хотя все и было облечено в форму намеков. Но эти правильно понятые намеки позволили бы мне очертить истинный образ моего отца. А этого ни в коем случае мама не могла допустить.

Хотя я до сих пор не понимаю — почему? Разве что потому, что отсутствие у сына каких-либо данных об отце было существенной частью на-

казания последнего. Предатель-отец должен был быть наказан тем, что для сына он навсегда превратится в расплывчатую фигуру, в господину Никто. Но ирония судьбы оказалась в том, что отцу это было по барабану. Наказанным в конечном счете вышел сын.

И надо же, представитель волшебной семьи Василенко стоит сейчас передо мной как ни в чем не бывало.

— Марийка, конечно, я помню твою семью. Заходите. А что случилось-то?

Безусловно, при Марийке я не мог позволить себе устроить разборку с Ирккой. А она наверняка и составила всю эту комбинацию, чтобы избежать неприятных выяснений и вновь оказаться нам чрезвычайно полезной.

— Ты не спрашивал ни у кого, а где последняя пенсия твоей мамы? На похороны должны были дать даже две пенсии.

— На похороны, наверно, они и ушли.

— Не должны были, — заметила Марийка. — У нас похороны не такие дорогие.

Так вот оно что. Похоже, Ирка встретила Марийку на улице, — они же здесь все встречаются рано или поздно, — и, обсудив все обстоятельства, дамы задались целью проверить финансы, оставшиеся после смерти мамы.

Перед их напором я не мог устоять, и мы принялись носиться по всему городу. Сначала заглянули зачем-то в ЖЭК, затем в пенсионный отдел. Там мы узнали, что действительно были выплачены две пенсии, а получателем значилась тетя Люба, соседка с нижнего этажа, которая до сих пор пребывала в отъезде. Домой я вернулся со строгим наказом выяснить с ней все вопросы, как только она вернется.

Ирка тихо улизнула, едва закончились наши хождения, что вполне понятно, а вот Марийка могла бы и задержаться. Но она стала прощаться. У самого выхода, как бы невзначай, Марийка вдруг произнесла:

«Ты не бери в голову. Все это — яка там Ира, яки там люди. Памятай про маму. Тримай у сердци свой город. Твой город, он везде с тобой. А остальное — выкинь».

Она даже не смотрела мне в глаза. Но именно потому, что на меня не оказывалось никакого давления, ее слова дошли до меня.

«Спасибо вам. Очень своевременные слова».

Но впечатления, произведенного Марийкой, хватило ненадолго. На меня опять начала накатывать какая-то нехорошая волна. И я вдруг понял, куда я должен сейчас пойти. Найду ли я на прежнем месте этого человека — большой вопрос, но пойти к нему все равно надо. Вот только как объяснить это Насте, которая уже давно проснулась и жаждала чем-то заполнить этот день. Впрочем, я всегда ей все мог объяснить, — одно из преимуществ нашего позднего, слишком позднего союза.

— Ты что-то задумал? Вижу по твоему лицу, — заметила моя девочка.

— Насть, я хочу сходить к одному своему старому приятелю. Когда-то он был разумным человеком, а мне срочно нужно побыть в атмосфере разумности, хватит уже этого абсурда, — сказал я.

— А как же я? Я тоже хочу побыть в атмосфере разумности.

— Я не уверен, что найду его на том же месте, где он когда-то жил. А если он и на месте, то не знаю, как он отнесется ко мне.

— Понятно. А что я буду делать одна? — поинтересовалась моя подруга.

— Телик посмотри. Новости украинские, ты уже почти понимаешь язык.

— Ну ладно, иди. Только не пропадай там надолго, — напутствовала меня Настя.

И я отправился на поиски разумной атмосферы.

Теперь мне понятно, что друзья детства служили для меня таким же спасением от безумия в доме, как семья Василенко. Интересно, что их я искал не среди одноклассников, а в кругах, довольно-таки удаленных от школы. Моими друзьями были исключительно западные украинцы. Они были проще, в них отсутствовало то, что, казалось мне, неизбежно присутствовало в каждом из моих одноклассников, — какое-то двойное дно. Ребята из моего русского класса, даже из более счастливых семей, чем моя, все были слегка перекрученные — так же, как и я, потому что выросли в чужой и не слишком расположенной к ним среде. А я тянулся к людям здоровым, естественно и изначально, то есть к тем, для кого украинское солнце светило по праву.

Своих друзей я впервые повстречал в бассейне, куда регулярно ходил в начальных классах. Володя Горячий — самый большой бессребреник, которого я только встречал в своей жизни. Он бестрепетно отдавал все, о чем его ни попросишь. И при этом вовсе не был блаженным, просто человек легкого сердца, вот и все. Тарас Марущак — надежный неторопливый увальень, настоящий Портос. И Славка Остапчук, к которому я сейчас иду. Он-то всегда был философом. То же тихое достоинство, как у Василенко, только он еще и пытался облечь его в слова.

Я без труда нашел Славкин дом и смело двинулся в подъезд, надеясь, что привычка не подведет, — ноги сами приведут меня куда надо. Они и в самом деле привели к некоей квартире. Дуракам везет: дверь открыл мужчина, в котором я не без сомнений, но все же узнал моего старого друга. Он выглядел как многие мужчины среднего возраста. Вот только тонкие черты лица человека чувствительного и много размышляющего остались Славкиными, куда бы там ни подевалась его когда-то буйная шевелюра и подростковая худоба.

— Сергию, невже ты?

— Я, а кто же еще!

Непроизвольно мы потянулись друг к другу и обнялись, а это значит, что дружба наша устояла, несмотря на былые размолвки и долгое отсутствие в жизни друг друга. А они, эти размолвки, были нешуточными и в конце концов привели к разрыву.

В старших классах Славка заболел украинским национализмом. Я пытался, как мог, вытащить его из этого, доказывая, что человеческая история — мутный омут, простые определения для нее не годятся, — а когда они вдруг появляются и на сцену выходят «хорошие» и «плохие» парни, то это не истина, а пропаганда.

Но Славка не желал это понимать, и мы отделились друг от друга. Вот почему в моей памяти он так и остался подростком. Наверное, национализм за все эти годы в нем только укрепился, возрос пышным цветом, но сейчас я его не боюсь, потому что столкнулся с вещами куда более страшными.

— Як ты?

— Як ты?

Мы оба задали одинаковый вопрос и рассмея-

лись. Славка пригласил меня в гостиную. Кажется, в ней ничего не изменилось со времен моего детства: тот же избыток мебели, избытие ковров, которые были и на полу, и на стенах, те же тяжелые портьеры. От всего этого в комнате вечно стоял полумрак и не проходило ощущение некой тяжести. Зато сразу становилось ясно, что живут здесь зажиточные люди. Критерии зажиточности, конечно, давно изменились, но не здесь, не в этой квартире. Наверное, Славкины родители умерли, а он не стал ничего менять, просто потому, что привык к такому интерьеру.

Да, родители умерли, подтвердил он. Сам он поздно женился, своих детей у них нет, но его жена присматривает за детьми людей, уехавших на заработки в Чехию. Эти дети живут здесь же, в этой квартире, только сейчас разбрелись кто куда, а жена на работе. У Славки тоже есть работа — просто неслыханное везение в нашем городке. Да к тому же еще он главный инженер. Правда, великую должность эту он занимает на небольшом ремонтном заводике, а этот заводик — всё, что осталось от огромного серодобывающего комбината, второго в Европе и третьего в мире. Собственно, наш городок и был обязан своим появлением этому комбинату, но теперь это — дела давно минувших дней.

Сегодня Славка взял отгул, поэтому мне повезло застать его дома.

— А нашего лагеря в Затоке нет. Я специально ездил по тем местам, искал во все глаза — и не нашел, — проговорил вдруг он.

Меня пронзила особая сладкая боль, которая возникает, наверное, только когда видишь, как постепенно исчезает с лица земли все то, что составляло для тебя некогда центр вселенной. Заветные уголки исчезают навсегда, как тот молочный магазинчик в моем доме, и от них не остается ни следа, ни малейшей ряби, и для новых поколений их как будто и не было. Не было их никогда, а значит, не было ни твоей, ни моей жизни, тогда зачем все это было — то, что мы еще пока помним? Вопрос, на который мы никогда не получим сколько-нибудь внятного ответа. Ну вот теперь и еще эта потеря. Наш со Славкой лагерь исчез, как будто и не существовал...

Конечно, не то чтобы он был наш в полной мере, но пожалеть о нем сегодня, наверное, можем только мы со Славкой. Именно в лагере за-

родилась наша с ним дружба или как еще это назвать. Славка оказался фанатом моря. Он с трудом отрывался от великой стихии, разве что только на сон. Не вылезал из моря часами, а когда вылезал, то все время крутился поблизости, бродил по берегу, копался в песке. Я любил море почти так же самозабвенно, на том мы и сошлись. А еще он любил часами рассуждать на разные темы, как и я.

Лагерь в Затоке, в небольшом курортном поселке под Одессой, принадлежал нашему серодобывающему комбинату. А теперь комбинат почил в бозе, — понятно, что не осталось и лагеря. Но Славка, оказывается, все еще фанат моря. Каждый год он старается провести отпуск в Одессе или в Крыму. Что-то в нем осталось от того пацана, а во мне, наверно, ничего, поскольку даже море теперь меня не трогает.

Я все ждал, когда он обозначит свой когда-то оттолкнувший нас друг от друга национализм. И вот он его обозначил.

— Сергию, ты не хочешь покаяться? За то, что ты россиянин...

— Я понимаю, о чем ты. Год назад моя подруга ездила в автобусную экскурсию по Европе. Посетила подряд две европейские столицы. Вену — этот город лопался от достатка, достигнутого благодаря столетиям господства рыночной экономики. И Будапешт — город величественный, но довольно-таки обшарпанный. Гид в автобусе все клял русских, которые навязали Венгрии свои социальные эксперименты. От них страна не может оправиться до сих пор...

— Це так.

— Я каюсь, Славка, каюсь. Но ведь таких, как я, не так много. Некоторые русские даже не осознают того, какое тяжелое наследие оставили в других странах их предки.

— То дуже жаль, — заметил Славка. — А ты чув про такой... Як бы це сказати?.. Лозунг «Слава Україні!». И что отвечать на него надо обязательно «Героям — слава!». Только так и никак иначе, в противном случае тебя примут за чужого. Чув про таке?

— Ну, «Слава Україні!» употребляется довольно часто. А вот в сочетании с героями... Нет, не слышал. Это что, пароль какой-то для своих?

— Что-то вроде. Ну ничего, еще услышишь этот лозунг, — с каким-то особым значением

проговорил мой бывший друг. — Еще услышишь, я тебе говорю.

На этом наш экскурс в историю и геополитику — и связанные с ней национальные обиды — закончился. Славка не стал продолжать, а ведь в юности он мог бы копать в этом часами. Похоже, мой друг перестал быть безудержным резонером, каким был когда-то. Теперь и он склонен меньше говорить, больше молчать. Что-то остается, но что-то теряется на путаной дорожке под названием жизнь. Впрочем, дорожка эта у Славы оказалась удивительно прямой: все тот же город, то же (пусть только его остатки) предприятие, поздно выбранная единственная жена.

Далее мы только сидели и молчали. Станным образом Славкино молчание укрепило меня. Наверно, я и не нуждался в каких-то словах, грош им цена, всем словам на свете, а вот это молчание, — подлинное, верное, — то, что как раз и было мне нужно позарез.

Вернувшись домой, я решил вновь разыграть одну свою старую забаву. Но получится ли у меня теперь, как это было когда-то? Скорее всего нет, сейчас я далеко не тот восторженный мальчик, каким был в свои лучшие дни. Мальчик, с которым заигрывала сама Вселенная. Теперь Вселенная молчит, а старый мальчик не видит и не слышит даже трети того, что с такой остротой, до боли в сердце, видел и слышал когда-то. Но так или иначе попробовать стоит...

Я оставил Настю спать в гостиной. Моего прихода она не дождалась и уснула, сердешная. Сам пошел в спальню и улегся на кровать, которая была моей детской кроватью, а ныне, конечно, оказалась слегка тесновата. Вот так, — а теперь нужно спокойно дожидаться, когда стихнут городские шумы. Но что-то они никак не хотели стихать. То проедет машина, то где-то начнет буяннить молодежь. В мое время нравы были куда более строгие. К одиннадцати вечера город вымирал, как театр, из которого вышла вся публика. А сейчас уже далеко за полночь, но брожение не прекращается.

Так я лежал и маялся в ожидании неизвестно чего. Наконец где-то часа в три ночи все стихло. Теперь нужно расслабиться и отпустить сознание в вольное плавание. Я так и сделал. Но ожи-

даемого эффекта не произошло. Я не слышал ровным счетом ничего. Неужели волшебство пропало, ушло из этих мест навсегда? Или оно было всего лишь плодом моего непомерно развитого воображения? Но тогда и жалеть не о чем.

И вот когда я уже хотел отказаться от эксперимента, послышались эти звуки. Как будто волны тихих, чуть шелестящих аплодисментов накатывались на мою спальню, а затем отступали. И снова накатывались и отступали. Конечно, это всего лишь ветер пробежал по листве деревьев. Но казалось, что там, за окном, расположились сотни неких существ, которые в ночной тишине аплодируют тебе. Благодарят за все, что ты сыграл для них за истекший день. Невидимые ценители, они благосклонно принимают и эту пьесу, и этого актера. В то время, когда я страдал от невнимания со стороны человеческих собратьев — а кто в детстве от этого не страдает? — присутствие невидимых ценителей служило утешением.

Сейчас они снова были здесь, со мной. Только, пожалуй, аплодисменты звучали намного тише, чем раньше, были едва различимы. Но все равно это наводит на прекрасную мысль. Ничто не уходит; есть, все же есть в мире некая постоянная, на которую всегда можно положиться. И еще одна важная мысль. Где-то там, за гранью дневных вещей, меня по-прежнему ценят, каким бы плохим актером я ни был...

Странно, в других городах я никогда не встречал подобного спецэффекта, хотя часто лежал без сна, вслушиваясь в относительную тишину ночи. Должно быть, здесь каким-то образом сложилась особая пространственная среда. В самом деле, эхо в старых кварталах очень сильное, слышен каждый чих, раздавшийся за сотни метров отсюда.

Глава десятая

Где-то недалеко от моего городка стоял старый давно заброшенный костел. В детстве он был центром притяжения для нас, мальчишек. Рассказывали, что кто-то проникал в его таинственные пределы и находил там старые монеты. Но, кажется, ничего более. Мое воображение в те годы шло дальше и рисовало запряженные в глубоких тайниках рыцарские доспехи,

мечи, арбалеты, хотя я бы удовлетворился и монетами, если на то пошло.

Поговаривали, что он был опасен, старый костел. Под ногой могла треснуть какая-нибудь доска, — и вот вы уже проваливаетесь в невозвратные глубины подземелий. Или вам на голову обрушивается многотонная балка... А летучие мыши, крысы, полчища насекомых?

Помнится, мы всей ватагой раза два собирались проникнуть в костел. Но каждый раз что-нибудь случалось, какая-нибудь мелочь, и мы эту затею откладывали. Словом, старый костел так и остался для меня недостижимой тайной, фата-морганой. Тайна эта и по сей день манит меня, но уже несколько в ином смысле.

Теперь я думаю, что, возможно, старый костел и не существовал вовсе. Что-то сейчас в окрестностях города я ничего похожего не замечаю. Существой он в действительности, в наши дни его радостно восстановили бы. И наш костел — если бы он действительно был — гордо бы реял над городом в ряду других недавно построенных церквей: православной и униатской.

А может, костел из нашего детства и существует, но на самом деле располагается гораздо дальше, чем представлялось в детстве, — километров за десять-пятнадцать от нашего городка, в каком-нибудь из бесчисленных окрестных сел. И мы так и не добрались до него по той простой причине, что для пешего похода это было слишком далеко, а ехать на автобусе — это уже такое событие, которое не оставишь в тайне от родителей, которые, конечно, ни в какой заброшенный костел нас бы не пустили.

Так или иначе, сейчас он играет для меня роль некоего символа. Вот так же совсем рядом находится, но бесконечно далеко отодвинулась от меня жизнь местных людей. Я стал туристом в своих родных краях. Упустив самый важный кусок истории, в который происходила масса сложнейших перемен, сейчас я смотрю на здешнюю жизнь взглядом постороннего, и иного мне не дано.

Вот, скажем, невероятная религиозность здешних людей. Она появилась за последние лет пятнадцать, в годы моего детства и юности такого не было. Как-то в воскресенье (дело было еще в мой прошлый приезд) я проснулся, пошел погулять и не увидел в городе ни одного человека.

В самом деле ни одного, как будто случилась глобальная катастрофа. Людей не было ни в магазинах, ни в кафе, ни в банках, ни на почте, ни даже на рынке. Конечно, я догадался, где они все могут быть — на воскресной службе, в церквях. Наверное, были люди, которые манкировали своими духовными обязанностями, такие люди везде есть, не могут не быть, но в моем городе по утрам в воскресенье они вынуждены тихо сидеть по домам как мыши.

Это безлюдье, эта неестественная тишина меня даже несколько напугали. Наконец в глубине улицы я увидел троицу пьяниц, которые, шатаясь и что-то горланя, брели по направлению к рынку, где находилась единственная открытая в этот час пельменная, с водкой и пивом на разлив. При виде этой компании мне стало легче. Значит, в моем городе еще осталось что-то, что роднит его с городами и поселками соседней страны...

А костел, старый костел, который то ли был, то ли не был, вдруг всплыл в моей памяти непонятно к чему. Хотя теперь я уверен, что случайности здесь никакой нет, оттуда, сверху, или, может быть, изнутри, нам что-то говорят, только мы не способны постичь логику якобы случайных воспоминаний, а если и способны, то не сейчас, не сразу и в любом случае не до конца. Вот точно так же вчера всплыл в моей памяти еще один эпизод из прошлого. На этот раз он был связан с мамой.

У соседнего с нашим дома вечно шляются десятки котов. Разумеется, в этом доме живет женщина, которая их подкармливает. Вчера я проходил мимо, и вдруг коты, развалившиеся прямо на дороге, превратились в одного-единственного кота, пребывавшего не здесь, не в этом месте, а неизвестно где, да и вообще не в нашем времени. В тот день, давным-давно, маме на глаза попался кот, настолько старый, что мог только лежать и шуриться на мир невидящими глазами, постепенно отбывая в страну вечной охоты. И хотя мама не любила животных, не привечала их особенно никогда, тут вдруг она остановилась и непонятным для меня тоном произнесла:

— Так и жизнь проходит день за днем. День за днем...

Вот и вся картинка, но я захвачен ею, готов рассматривать ее часами. Наверное, теперь я

стану получателем таких вот открыток из прошлого. И приходить они будут всегда неожиданно, без всякой системы, в любое время суток. Когда уходит дорогой тебе человек, включается механизм воспоминаний, но работает он по своим собственным, весьма прихотливым законам. Бесплезно взывать: «Дай! Ну дай мне еще одну картинку». Не даст никогда и ни за что. Открытки из прошлого приходят как дары незаслуженные, ценность которых тем огромней, чем меньше мы способны удержать их в руках.

— ...Ну, Маргарита Александровна. Ну, дает! — В комнату вошла чем-то взбудораженная Настя. В самом деле, моя девочка смотрела на меня каким-то очарованным, иного слова не подберешь, взглядом.

— Что еще такое?

— Нет-нет, все на этот раз хорошо, даже слишком, — поспешила она успокоить меня. И тут же добавила нечто такое, что в очарованное состояние впал уже я: — Сейчас я буду плакать.

Надо сказать, за все эти годы я ни разу не видел Настю плачущей. Разве что в минуты наших самых жутких разборок из ее глаз, бывало, выкатятся одна-две слезинки, но не более того. Несмотря на внешнюю хрупкость, эта маленькая женщина выкована из стали. В ней намного больше тихого незаметного мужества, чем в любом из представителей так называемого сильного пола, и, глядя на нее, я позволял себе раскисать гораздо меньше, чем того требовала моя ненадежная мужская природа. Давно уже заметил, что истинное мужество, позволяющее претерпевать изо дня в день все эти «мелочи жизни», которые на самом деле вовсе не мелочи, присуще скорее женскому полу.

— ...Я буду плакать и стоять на коленях, — продолжила Настя свою странную литанию.

— С удовольствием посмотрю спектакль в духе тети Сони.

— Не смейся, хорошо. Пожалуйста. Случилось такое... я даже не знаю, как и рассказать.

— Да ладно. Пойду поставлю чай...

— Нет, сейчас. Сейчас я соберусь, не уходи.

Настя села на диван, обхватила голову руками, посидела так секунду-другую и только потом сказала:

— Всё, теперь я могу рассказывать. Ты слушаешь?

— Весь в уши превратился, — заверил я.

— Ну, слушай. Потому что это в самом деле Нечто, — возбужденно заговорила Настя. — Я сто раз делала уборку в этой квартире. Мы сто раз ее обыскивали. А тут вдруг я решила протереть пыль за трюмо. Полезла тряпкой — и прямо мне в руки упал конверт, а в нем доллары и евро. Прямо в руки, представляешь?

— Представляю. А много ли денег? — спросил я.

— Немного. Двести долларов и сотня евро. И еще зачем-то чеки, оставшиеся после их покупки. Мама покупала их понемногу. А чеки, наверное, на случай прихода ЧК: «А откуда у вас, гражданочка, валюта?» Старые люди ведь никогда не исключают, что ЧК еще придет. Мама все предусмотрела. И все равно удивительно, как она умудрилась сделать так, что конверт выпал в руки именно мне, а не тем людям, которые обыскивали квартиру до нас и нашли золото?

— Случайность, — заметил я.

— Может быть. Но я вдруг подумала, что, начиная с этого момента, твоя мама меня... приняла, — задумчиво проговорила Настя. — Простила за все и приняла. И не разубеждай меня, я все равно буду так считать. Для меня это важно.

— И я думаю, вот что нам нужно сделать, — с редкой для нее настойчивостью проговорила Настя.

Обычно она ни на чем не настаивала, ждала, какое решение приму я. А тут вдруг она превратилась в воплощение непреклонной воли, просто самодержица всея Руси. Вероятно, такая метаморфоза произошла потому, что моя подруга вступила в сферу, в которой одни только женщины что-либо и понимают, — в мистическую сферу передачи прав от одной хозяйки к другой.

— Я вижу один способ правильно израсходовать эти деньги. Мы должны их потратить не на себя, а на нужды квартиры. Сделать нормальную электропроводку, купить хорошую стиральную машину, раз уж собираемся сюда приезжать каждый год...

— Абсолютно с тобой согласен, моя повелительница, — заверил я.

— В самом деле?

— А как же, — подтвердил я.

Электропроводка в маминой квартире и в самом деле была допотопной, стиральная машина тоже. Наш новый «дом» или «дача», или еще как

там ни назови, явно нуждался во вложениях, и чем больше — тем лучше.

Вроде бы мы все решили, все согласовали, но Настя все еще продолжала пребывать во взбудораженном состоянии. Осознав, что с этим ничего не поделаешь, я пошел заняться какой-нибудь повседневной мастью, например, сбрить многодневную щетину, которая уже начала меня раздражать.

Когда же наконец раздастся неизбежный звонок в дверь? Но, как ни странно, в этот день он раздаваться решительно не хотел.

Немного помаявшись, я понял, чем мы сейчас с Настей займемся. В моем городке рано или поздно наступает момент, когда ты обнаруживаешь, что все дела переделаны на годы вперед, а то, что здесь могут предложить в качестве развлечений, тебе решительно не интересно. И что остается? Остается только выпивка, и чем она серьезней, тем лучше. Требовалось только подписать на это Настю, но, наверное, она не станет сопротивляться, только что пережив серьезное размягчение души.

Она и в самом деле быстро согласилась. Я мигом сбегал за пивом, за целым морем пива, благо здесь оно значительно дешевле, чем в России, и магазин прямо в доме.

После второй бутылки Настю заклинило. Снова и снова она переживала эпизод с находкой конверта, в сотый раз растолковывала мне, неразумному, его сияющее значение. А я тем временем поймал себя на том, что слышу какие-то странные звуки. Словно бы кто-то настраивал музыкальную аппаратуру, готовился дать концерт. Не сразу я сообразил, что этот кто-то находится не в соседней квартире, а на центральной площади нашего городка, которая, впрочем, от нас тоже недалеко. И что вы думаете? Через какое-то время концерт на площади действительно начался, теперь в этом не было никаких сомнений.

Гулко били басы, отчего сотрясались все стены в нашем старом доме. Приятный молодой голос что-то пел, слов было не разобрать, но пели явно на украинском языке. Песня была по-особенному мелодичной, а как же иначе, ведь мелодизм глубоко укоренен в характере этого народа, его никакие извраты современной культуры вытравить не способны.

— Слушай, там, на площади, концерт. Давай пойдем, я сто лет не видел концерта в моем городке, — предложил я.

— А давай пойдем! — радостно откликнулась Настя.

На площади мы и в самом деле обнаружили все атрибуты рок-шоу. Была толпа — человек в двести, что для такого городка означает «полный аншлаг», а впереди, на ступеньках бывшего дома культуры, ныне превращенного — во что бы вы думали? — ну, конечно, в торговый центр, — наяривала рок-группа.

И все же что-то здесь было не так. Что-то отличало это действие от других рок-концертов, которые мне доводилось видеть, больше, правда, по телевизору. Не сразу я понял, что смутила меня... реакция толпы. Люди, между прочим, в основном молодые, стояли безучастные, как будто музыка их совсем не касалась. Никаких тебе приплясываний, выкриков, поднятых рук. Как будто все они здесь собрались только для того, чтобы выразить свое осуждение беснующимся на сцене безбожникам-музыкантам. Ножки у самых маленьких детей заметно подрагивали, они и готовы были пуститься в пляс, но их цепко держали за руки суровые родители.

На самом же деле, — с какой-то болью узнавания и утраты понял я, — такая реакция никакого отношения к религии не имеет. Пускай тут в последние годы серьезно окрепли позиции католицизма, дело не в этом. Это просто такой характер народа... сдержанный даже в том, что ему безусловно нравилось. Нам все это в кайф, мы переживаем и плачем, мы даже кричим и танцуем, но стоя, без единого жеста и звука.

Вот точно так же, с молчаливым достоинством, несут они сейчас свою бедность. Даже не скажешь, что они бедны. Некоторые персонажи, с которыми сталкивались мы с Настей в этот «отпуск», не в счет, они скорее исключение, чем правило, это я с некоторых пор уже начинаю понимать.

Молчаливая, столбом стоящая толпа поразила и Настю.

— Почему никто не танцует? — спросила она.

Но спросила столь громко, что на нас стали оглядываться. Боже мой, вот сейчас эти молчаливые люди увидят в нас русских «на

выезде», безнадежных русских, которыми, на самом деле, представители нашей национальности бывают далеко не всегда.

— Такие здесь люди.

— Пошли вперед, к сцене. Уж там-то наверное танцуют. Ну, или хоть покачивают задами. А если нет, то я им покажу, как надо, — завелась моя подружка.

Мы пробрались к сцене, но и здесь обнаружили, что танцевать никто и не думает, зады стоят нерушимыми монолитами. Ну что ж, моя девочка взялась танцевать сама. Как всегда, это был профессиональный танец, вот только иные ее движения из-за алкоголя не отличались точностью. Так себе танец, зато весьма зажигательный.

— Люди, что вы стоите? Делайте как я! — вскрикивала Настя.

И что же, те, к кому зывала она, перевели взгляды на нас, но даже и не думали подражать моей подружке... Меня охватил страх. Не то чтобы на нас смотрели осуждающе, лица людей не выражали абсолютно ничего. Но вот это как раз и пугало больше всего. Кто знает, может, мы перешли некую незримую границу, ступать за которую не позволено здесь никому?

Так и есть — к нам уже подходил милиционер.

— Здесь нельзя танцевать, — сказал он почему-то по-русски. Наверное, сразу просек, что мы совсем из другого, не обязательно лучшего, мира.

— А почему? Разве запрещено танцевать на рок-концерте? — тут же ввязалась в полемику Настя.

— Нет, не запрещено. Но и не принято, — подумав, объяснил всю тонкость здешней жизни милиционер.

И хорошо, надо сказать, объяснил, всего в двух фразах.

— Как можно стоять, когда играет такая чудесная музыка? — не желала решительно ничего понимать моя подруга.

Настя попыталась было снова приступить к сокрушению основ, но я обнял ее всем телом и так, обвившись вокруг нее, как удав, поволок на выход. Она, конечно, сопротивлялась, но я был непреклонен и при этом нес какую-то ерунду. В основном упирал на то, что не имеет смысла вдаваться в детали отношений с иску-

ством у разных народов земли, когда на кухне нас ждет чудесное пиво. Этот аргумент сработал, Настя обмякла, но я на всякий случай не выпускал ее. Так мы и добрались до дома, — чуть пошатываящийся зверь о двух головах и четырех ногах.

Глава одиннадцатая

Я смотрю в окно и не могу поверить своим глазам. Еще вчера я любовался березой у моего дома. Большая, пышно разросшаяся, пережившая бог знает сколько десятилетий, все же она была просто березой — и ничего более. А тут вдруг за одну ночь она обзавелась целой россыпью серо-белых комков. Эти комки разместились на ветвях ближе к вершине и не шевелились. У всех у них были забавные черные ушки. Одна, две, три...

Боже, сразу шесть сов! Я никогда не видел сов живьем, но это несомненно они. Что еще на свете бывает таким пестрым, с черными ушками? Лишь изредка какая-нибудь из сов начинала медленно водить головой из стороны в сторону, но это занятие ее быстро утомляло и она вновь погружалась в сон.

Почему такое нашествие? Впрочем, Коля рассказывал, что после закрытия серного комбината природа воспряла духом, в городе стало появляться все больше всякого зверья. Белки оккупировали почти все деревья, а ежи бегают прямо по тротуарам. Но так говорил Коля, а я лично что-то этого изобилия животных не наблюдал. Но этот факт, явленный прямо перед моими глазами, уже не проигнорируешь: шесть сов на одной березе!

— Настя, иди посмотри. Чудо дивное!

Перед тем как я пошел глянуть на березу, мы с Настей осуществляли грандиозный проект. Скипятели воду в четырех больших кастрюлях, потом еще в четырех, потом еще в двух — и наконец-то набрали ванну, в которой можно было помыться по-человечески. Как известно, мамин титан не работал, и все это время мы вынуждены были обходиться холодной водой.

Только сейчас я понял, до какой степени мы с Настей сроднились. От смерти моей матери и всех сопутствующих этому обстоятельств

она впала в такой же шок, как и я сам, и много дней не может из него выйти. Самое яркое тому свидетельство — то, что все это время она не делала драмы из отсутствия горячей ванны, спокойно жила дикарем. Не будь шока, она давно бы уже взбунтовалась, попросила бы меня немедленно купить и установить газовую колонку или, на худой конец, перебраться хотя бы на пару дней в гостиницу.

Впрочем, сегодня утром нам с ней почти синхронно пришло в голову, как обойтись без нагревателя воды. И вот сейчас она радостно плещется в потерянном и вновь обретенном раю. Я же достаю ее разными совами. Нет, пусть плещется, совы, насколько я понял, никуда с березы не денутся.

Но вот Настя пришла на кухню, закутанная в большое полотенце, без конца встряхивая мокрыми волосами, словно только что испулавшаяся собака.

— Посмотри на нашу березу.

Настя послушно уставилась в окно.

— А что это там... совы? — удивилась она.

— Да, и целых шесть штук, представляешь.

— Никогда такого не видела. Но это что-то должно значить? Нам дают какой-то знак. О чем? Что все будет хорошо. Или наоборот.

— А может, прекратим? — попросил я.

— Что прекратим?

— Видеть знаки.

— А что такого? — не поняла Настя.

— Это говорит о помраченном уме. Только человек, у которого от какого-то несчастья поехали мозги, видит повсюду следы высшего вмешательства.

— Пожалуй, ты прав, — согласилась Настя.

— Пусть это будут просто совы. Прилетели сюда целой толпой. И хорошо. И здорово. Пора нам уже выбираться из омота.

— Да пора бы, кто спорит... Кстати, ванна была чудесная.

— Вот и славно. Там вода еще теплая? — поинтересовался я.

— Ну да. Я специально не мылась долго, чтобы ты успел.

— Тогда я пошел за своей порцией счастья.

После ванны жизнь стала действительно легче. Мы сели пить чай и без конца косились в окно. Несмотря на наше решение не выис-

кивать повсюду знаки судьбы, нам почему-то важно было знать, улетели ли наши совы или остались на месте.

Впрочем, накотившее вдруг желание стать нормальными людьми не оставляло нас. Чтобы закрепить его, мы решили пройтись по магазинам. Но быстро убедились, что все магазины в нашем городке похожи один на другой, товары явно из одного склада, неинтересные и низкого качества.

Правда, один магазин все же выделялся среди остальных вещами классом выше, и я возрадовался, что в моем городке появился свой «бутик». Там мы прикупили мне довольно милые шортики, на чем наш покупательский зуд и унялся. Но тут Насте пришло в голову приобрести газовую колонку. Должна же быть в доме горячая вода, ведь теперь это наш дом, с таким трудом обретенный, хотя, наверное, еще не до конца, где вы там, тетя Соня?

Колонку мы купили и даже договорились, что сегодня же к нам придут мастера, чтобы ее установить. Они и в самом деле пришли и подключили ее за каких-то пару часов, даже срезали и унесли с собой половину титана.

Когда спустя некоторое время к нам пришел Коля, мы с гордостью предъявили эти свидетельства того, что мы наконец-то стали нормальными людьми.

— Це добре, — прокомментировал Коля. — Бачу, у вас что-то в головах забрежило. Свет, як то кажуть, истини коснувся вас.

После предъявления колонки мы поспешили показать Коле сов.

— Класс, я такого еще не бачив, — изумился Коля.

— Ты тоже думаешь, что это хорошее знамение, выставленное исключительно для нас? Но ведь его точно так же может видеть целая куча народу в нашем дворе. Значит, это знамение и для них тоже. Это обстоятельство несколько снижает его ценность, ты не думаешь? — спросил я.

— Вечно ты найдешь бочку меда в ложке дегтя. Или наоборот. Я скорее думаю, что это знамение, только не знаю какое. Но скорее хорошее, — подумав, заметил Коля.

Спустя некоторое время он вернулся к вчерашней теме:

— А что вы решили насчет квартиры?

— А знаешь, пожалуй, мы сдадим тебе ее, — неожиданно для самого себя проговорил я. — Теперь тут даже горячая вода есть, жить можно.

— А наша прекрасная мадам что думает? — обратился Коля к Насте.

— Мадам не возражает, — ответила Настя.

И в самом деле, почему бы не сдать квартиру Коле? С ним мы рискуем не больше, чем рисковали бы с каким-нибудь другим жильцом. А Колю мы хотя бы знаем...

Мой друг тут же начал клясться, что никого не будет водить в квартиру, будет жить тихо и скромно и ни в коем случае не будет тревожить моих сверхнервных соседей.

— Блин, как вы прокурили всю квартиру, — вдруг заметил Коля. — Что, не можете курить на балконе?

— Ну вот, у Коли уже появилось чувство хозяина, — заметил я.

— Да ладно, ладно, — засмутился мой друг.

И в благодарность за хорошее известие принялся рассказывать историю об НЛО. Он уже и раньше рассказывал об этом, но только мне, в прошлые мои приезды, и только фрагментарно, а здесь мы впервые услышали более-менее связный рассказ. Надо признать, совсем не зря Коля дал этой женщине такую странную кличку. Так и осталось неясным, откуда она прилетела в наш городок, зачем связалась с Колей и где она обретается сейчас.

Несколько лет назад на озере появилась женщина лет тридцати, весьма симпатичная и насквозь русская. Коля тут же взял ее под свою опеку, а затем между ними вспыхнула великая любовь. «Честное слово, — признается Коля. — Даже воздух между нами начинал дрожать, когда мы встречались. Такое бывает только в кино или в книгах, а тут вот случилось в жизни».

Однажды Коля даже взял ее с собой к маме в соседний город. Оттуда они отправились на деревенскую свадьбу, где мама, отлично зная, что это всего лишь Колина подруга, представила ее... дочкой своего сына. Вероятно, мама сочла эту женщину совсем неподходящей для Коли и таким образом решила им насолить. Но мой друг с НЛО выкрутились, очень неплохо сыграли роль отца и дочери. Хотя жители деревни не преминули спросить, почему дочка так плохо говорит по-украински. Пришлось

врать, что ее отправили на учебу в Россию и там она почти позабыла родной язык.

Продолжалась великая любовь месяца два, а потом НЛО отбыла на свою загадочную планету. Телефон она оставила, но просила не звонить. Коля, конечно, послушался, позвонил. Там не брали трубку. Тогда он позвонил ее подруге. Подруга отвечала, что НЛО занята и не может подойти, а однажды и вовсе сказала, что та погибла в автокатастрофе, такие вот, брат, дела.

— Что это такое было, я до сих пор не розумию, — подытожил свой рассказ Коля.

— Курортный роман, вот что это такое было, — заметила Настя. — Женщинам время от времени необходимо выйти из привычной колеи, почувствовать свежую кровь. В таких случаях, кстати, им не принято звонить.

— Значит, она не погибла в ДТП?

— Не погибла. Ты пойми, мало ли у нее какой там муж. Может, если бы он узнал, тебя бы тут же в землю зарыли. Так что она и тебя ограждала от неприятностей, — продолжила объяснения Настя.

— Если так, то я... промолчу, — сказал Коля.

— А ты-то, зараза, почему такая опытная? — обратился я к Насте.

— Да мало ли что в жизни было. Было и прошло, — ответила моя подруга.

— Ну вас всех вместе с вашими романами, — подытожил я.

И вот — в который уже раз! — в дверь позвонили. На пороге стояла тетя Люда, та самая, которая распоряжалась похоронами мамы, а потом уехала неизвестно куда. Но, по крайней мере, ее нам не следовало бояться.

Оказалось, что за похороны мы ей ничего не должны. Мама оставила достаточно денег, кстати, из тех самых пенсий, следы которых мы пытались отыскать с Василенко. Да еще и люди собрали какую-то сумму.

— Есть еще одно, — сказала тетя Люда. — Но я вам не могу сказать, что это такое.

— Скажите.

— Ни, Сергию, не могу, — ответила тетя Люда. — А теперь мне пора.

И она ушла, оставив нас в тревожном недоумении.

— Что бы это могло быть? В этом городе у всех свои загадки, — проговорил я.

— Да уж, — согласился Коля. — У нас зашифрованный город.

— Подождем. Может, через день-два загадка разъяснится, — предложила Настя. — Я заметила, что тайны здесь тоже долго не хранят.

— Подождем, — согласился я.

Коля распрощался и ушел. А я решил еще раз полюбоваться совами, только немного в другом формате. Вышел на балкон — теперь совы были прямо напротив, во всем своем живом великолепии, не отделенные от меня полоской стекла. Но скоро меня привлекло совсем другое обстоятельство. Прямо подо мной у подъезда стояла тетя Люда. Точнее, не стояла, а ходила взад-вперед. Было видно, что ее что-то точит. Не та ли имеющая какое-то касательство к нам страшная тайна?

Тетя Люда всегда казалась мне немного загадочной. Мама поведала мне как-то, что вся их семья — румыны по национальности и непонятно каким образом оказались в наших краях. Возможно, спасались от каких-то страшных бедствий у себя на родине. Румыны — само это слово почему-то вселяло в меня ужас. Сейчас, когда я уже вполне взрослый, ее национальность никоим образом меня не волнует. Но вот ведь, надо же, флер загадочности самым неожиданным образом снова окутал эту пожилую женщину...

А затем на меня снизошли мысли совсем другого порядка.

— Насть, мы с тобой теперь настоящая боевая единица? Несокрушимая? Верная? Семья, черт побери?

— Семья. После всего этого — семья. Сережа, прости за мое прошлое. Я не ведала, что творила. Может быть, это был последний бабий бунт, как ты и предположил, — отозвалась Настя.

— Но знаешь что, — продолжила она спустя какое-то время. — Мы хоть и настоящая боевая единица, но я здесь больше не могу. Не вынесу ни одного дня. Давай завтра поедем во Львов и купим билет на ближайший поезд. Посидим на вокзале сколько надо, так, чтобы больше сюда не возвращаться.

— Так и сделаем, — пообещал я.

Действительно, наступил предел. Самый что ни на есть предел того, что мы могли вынести без серьезных последствий для психики.

Слишком поздно появились Василенко, мой друг Славка и эти чудесные совы. Данные нам во спасение люди и существа, но разве могли они компенсировать весь ужас наших первых дней в этом городке?

Мы стали собирать вещи. Я позвонил Коле, чтобы он пришел утром и принял квартиру. Он, конечно, выразил полнейший энтузиазм. Когда все дела были сделаны, мы в который уже раз сели пить чай. Ничего не говорили — все уже было сказано.

Но нет, похоже, не все. Во входную дверь кто-то постучал. Интересно, почему этот человек, кто бы он ни был, не воспользовался звонком?

Оказывается, мы удостоилось второго за какой-то час визита тети Люды.

— Вот что, Сергию, из маминых денег еще осталось три тысячи гривен. Я хотела сохранить их у себя, чтобы через год памятник поставить, — проговорила тетя Люда. — Но потом подумала, что деньги все-таки твои. Возьми...

Так вот почему ходила она взад-вперед у подъезда. Видимо, она считает нас людьми крайне ненадежными, способными пропить последнюю мамину записку. И все-таки чувство справедливости, в высшей степени свойственное ей, победило все сомнения.

— Спасибо, тетя Люда. Мы возьмем эти деньги. Но обещаем, что к ним не притронемся. А через год приедем и поставим памятник.

— Вернемся, — подтвердила Настя. — Я уже начала любить ваши края. Черешни и вишни у вас уже появились на деревьях. Вы не представляете, что для нас, северян, значит город, где свободно растут на деревьях черешни и вишни! Только сейчас обстоятельства такие тяжелые. А через год мы приедем с радостной душой...

— Ну, це добре. Так я пошла?

— До свидания. Спасибо вам еще раз.

— Вот это да, — сказала Настя, когда за тетей Людой закрылась дверь.

— Ты правда видела черешни с вишнями?

— Видела. А через год, когда мы приедем, все действительно будет иначе, я уверена.

— Тетя Соня никуда не денется, — заметил я.

— Как-нибудь переживем. Тогда мы будем сильнее, — предположила Настя.

— Кто знает. Но, так или иначе, нам придется приехать. Мы дали слово, — подчеркнул я.

— Приедем. Вот уж кого-кого, а тетю Люду я подводить не хочу. И твою маму...

Весь оставшийся вечер мы провели в тревоге и страхе. Когда Настя выглядывала в окно, ей чудилась в глубине двора красная, расшитая золотом шаль, в которой имела обыкновение щеголять тетя Соня. Вероятно, эту шаль, сделанную в Турции или Египте, или даже в Индии, милая дама носила не просто так, а чтобы весь город видел, что она принадлежит к тем редким в этих краях особям, которые могут позволить себе дорогой заграничный отдых. Сейчас же эта шаль сводила Настю с ума. А мне, в свою очередь, то и дело мерещился среди бесконечного сплетения речевых отзвуков, доносившихся со всех концов двора и слетавшихся почему-то прямо к нам на кухню, глубокий и значительный голос — кого бы вы думали? — ну, конечно, все той же тети Сони...

На следующий день мы рано утром отправились во Львов. Проводил нас только Коля. Он был счастливый и беспечный, мушкетер во всей своей красе, совершенно забывший, что где-то недалеко сидит и боится выйти из дому женщина, которая повредила голову от того, что изо всех сил старалась обеспечить ему безбедную жизнь.

Нам казалось, что стоит только выехать за пределы моего городка, как сразу же наступит облегчение — задышим и заживем, как положено людям. Но ничего подобного не произошло. Мы продолжали быть лишь подобиями человеческих существ. На вокзале во Львове выяснилось, что питерского поезда сегодня нет, он ходит через день, и нынче как раз такой день, когда его нет. А поезд на Москву — только поздно вечером.

— Возьмем хоть куда-нибудь. Только чтобы ехать уже, — попросила Настя.

Мы купили билеты до Киева, откуда, как любезно объяснили нам в кассе, идет гораздо больше поездов на Москву. Понятно, что нам придется ехать не самым коротким путем, но не важно, Настя права, уже невозможно оставаться на месте, нужно куда-нибудь ехать. И мы поехали.

В Киеве мы выбрали ближайший поезд на Москву. Ждать пришлось часа два. За все это время до моего сознания достучался лишь один

факт: в столице Украины повсюду говорили на русском языке, нигде не прозвучало ни слова на ридней мове. Странно, право.

В Москве мы взяли билеты на петрозаводский поезд, который отправлялся только вечером. Мы решили поехать на Арбат. Там мы сели у фонтана с вычурной скульптурой балерины, люди потоком проходили мимо, какой-то мужик исполнял старинные русские песни оперным баритоном. А потом сначала дети, затем и взрослые бросились в фонтан и стали самозабвенно плескаться в нем. Вообще-то, стояла безумная жара, так что такое поведение людей было вполне оправдано. Но все равно нас слегка удивила такая раскованность, абсолютно невыносимая в тех краях, откуда мы приехали. Впрочем, все эти уличные сценки нас не особенно трогали.

Нет, мир не стал ближе, мы по-прежнему смотрели на него словно бы из-за стекла. И была такая страшная усталость, что у нас не достало сил подняться и пройти по улице, съесть и выпить чего-нибудь в кафе, покопаться в букинистике.

Впрочем, сквозь эту усталость стало проступать странное чувство. Шок от маминой смерти как будто бы прошел. Но его место занял страх, какой-то безотносительный к чему-либо, всеобъемлющий, мистический. Я вдруг ощутил, что больше нет у меня защиты — той незримой защиты, которую, оказывается, где бы я ни был,

до сей поры мне предоставляла мать. Но отныне я сирий и голый на вселенском ветру. Отовсюду, из любой точки пространства, может ударить неведомая молния и убить на месте. И с этим, с глобальным чувством незащищенности, похоже, придется жить оставшиеся годы.

— Ты спасешь меня от вселенских ветров? — спросил я у Насти.

Она, милая моя, не спросила: «Ты о чем?» Пристально взглядевшись в меня, Настя поняла, что со мной происходит.

— Ну, обычно защиты ждут от мужчины, разве не так? Но так и быть, спасу, если что. Маленький ты мой. Пупсик, — произнесла она с дурашливой ноткой.

P.S.

В петрозаводском поезде меня посетило некое подозрение. Когда мы пришли домой, я первым делом кинулся к одежному шкафу. Так и есть — две розовые пятитысячные бумажки лежали в заднем кармане джинсов. Получается, что я в затмении своем надел тогда не те штаны...

□

Сергей Константинович ГАЛКИН

родился в 1962 году в городе Новый Роздол

Львовской обл. Украинской ССР.

Окончил Ленинградский университет (1984).

*Работал в газетах «Комсомолец», «Петрозаводск»,
в редакциях телекомпаний «Карелия» и «Петронет»,*

в петрозаводском лицее № 1

и Министерстве образования РК.

Живет в Петрозаводске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

